

Э
р
и
к
а
л
е
г
р
а
н
ж

Фрай Уэнсли - экзорцист

Эрика Легранж Фрай Уэнсли – экзорцист. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21567826

Аннотация

Фрай Уэнсли – молодой пастор, которому волею судьбы в первый день посвящения в сан предлагают быть священником в прибыльном приходе. Вот только забывают упомянуть, что местность проклята, древнее зло притаилось в старом замке, готовое восстать и перебить все живое. Но молодой джентльмен пока еще об этом не знает, и сколько ему придется вытерпеть, прежде чем понять свое предназначение экзорциста. Добрая старая Англия хранит много легенд и суеверий. Тут и леди в призрачном экипаже, с безглавым кучером, и шустрые брауни, спешащие на подмогу, а еще таинственная незнакомка с ворохом тайн, и в соломенной шляпке. А еще мистические враги и добросердечные жители Дарквудса, и как тут оставаться нормальным человеком?

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	47
Глава 5	64
Глава 6	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Эрика Легранж

Фрай Уэнсли – экзорцист

Книга первая

Часть I

Битва с собой

Глава 1

Посвящена семье Уэнсли

- Уверуешь ли ты, сын мой, в Святого Духа, что наделил тебя разумом?
- Уверую.
- Клянешься во имя Всевышнего, соблюдать все каноны церкви, нести слово Божье в массы, соблюдать положенные догмы, почитать монархов Английских и взыскивать с поданных положенную десятину.
- Клянусь святой церковью и крестом, отныне возложенным на меня, что буду соблюдать постулаты церкви, нести

слово Божье миру, проповедовать только истину христианскую, проводить богослужение каждое воскресенье и изымать положенное.

— Тогда, сын мой, я объявляю тебя рабом Божиим, отныне слово святое несущим. Ты должен четко придерживаться учений Англиканской церкви и не допускать проявлений отступничества в положенном тебе приходе.

С такими назидательными речами, епископ Глостерский провел обряд рукоположения новоиспеченного пастыря Фрая Уэнсли. Молодой человек, получивший образование в Итоне, был выдвинут на дальнейшее обучение на доктора теологии, но в последний момент отказался от заманчивого предложения. Мотивы он четко не мог изъяснить, преобразовывая все в теоретические загадки. Но видимо, все ему помешало тяжелое денежное положение его семьи. Отец не мог ссудить достаточную сумму на образование, и сыну — если он уж хочет чего добиться — надобно самому сыскать средства.

Приход мог бы обеспечить неплохой доход, если не вести жизнь расточительную, то даже материнского наследства в три тысячи фунтов и годового дохода станет достаточно, чтобы позволить себе дальнейшее образование и развитие. Фрай не был мечтателен, более прагматик, хотя катахезисы соблюдал, не задаваясь вопросами и не углубляясь в размышления. Он выбрал тот путь, который отказался принять его дядя, пустившись в авантюрное плаванье по жизни.

Эта очень печальная страница в истории рода Уэнсли имела определенно пагубный исход — дядя исчез, а два его брата впали в немилость графа Шеффилдского, за что поплатились упущенными возможностями. Фрай рос в условиях ограничений, особенно, свободного мышления. Второго такого авантюриста ни одна приличная семья не потерпит, не говоря уже о семье Уэнсли.

Он не испытывал недостатка в знаниях. Старинная родовая библиотека деловых справочников, хрестоматий и разного рода полезных талмудов, была к его распоряжению.

Но все легковесные истории, не несущие в себе полезных исторических повествований либо нравоучительное послесловие, приравнивались к запретной литературе. Отец лично уничтожил добрый десяток книг, вручив своим малым детям псалтырь да историю Великобритании. У Фрая была сестра — премилая вертушка Мария. Пока что ее беззаботный возраст семнадцатилетия не внушал девушке ничего горького и тяжелого, но ведь отец не помышлял вывозить дочь в свет. Младший брат старика Уэнсли избрал стезю преподавания, он достиг определенных высот, был назначен помощником декана, но выше прыгнуть просто не мог. Преподавательская коллегия ограничивалась полномочиями, а в столице его кандидатуру не рассматривали на должность декана, бумаги на получение титула лежали в пыльном архиве. А всему виной был Эдвард Уэнсли — средний брат и темная лошадка. Самое печальное для Фрая, казалось то, что он был похож на дя-

дю – тот же красивый ясный взор больших синих глаз, прямой нос, мягко очерченный овал лица, прелестные ямочки на подбородке – ангельское создание в человеческом облике. Одним словом – он был красив, образован, рассудителен и умен. Поэтому старшие представители рода Уэнсли, ограничили его во всем: взрастили в мягкой натуре недоверчивость и сомнительность. Он был неуверен во всем, что касалось его. Сказал отец, что Фрай – прирожденный священник, и молодой человек пошел по этому направлению, не задумываясь, какая профессия наиболее благодатна для его натуры.

– А что, священник – дело непыльное: упитанный холуй, живущий себе в удовольствие, да еще и достойный человек, – рассуждал его отец. – Хитрый народ, ничем не рискующий. Только если не заниматься миссионерством. Миссионерство нынче не модно, это раньше пасторы отправлялись в новый свет на золотые рудники и там обогащались за счет тупого народа; а в пыльный и гнойный край, полный заразы, умный человек не сунется.

Подобными нравоучениями отец наставлял своего отпрыска. Тот послушно кивал, в принципе, жизнь священника для тихого, молодого человека – неуверенного в себе – подходила по мировоззрению. Он мог писать и проповедовать о спокойной, сытой жизни, не обуреваемой всякими проступками. Фермер должен заботиться о преувеличении достатка, приросте поголовья скота, выгодно арендовать пригодные пашни. Его работники чтить работодателя и его

имущество, быть исполнительными, богобоязкими, не воровать.

А их наниматель не обманывать и платить в срок. Богатые прихожане должны заботиться об искуплении грехов: заниматься благотворительностью, не злоупотреблять крепкими напитками, не усердствовать с рукоприкладством. Их жены быть прилежными супругами, даже в помыслах не изменять мужу, почаще исповедоваться, вносить пожертвования. А больных и страждущих надобно исповедать словом, ведь слово священное порой излечивает и облегчает боль – легкая смерть бывает благодеянием. Эти умозаключения молодой человек уяснил для себя в шестнадцать лет и в скорости пошел учиться на клирика. Хотя в университете он не находил должного просветительства: его сокурсники частенько нарушали каноны их будущего предназначения, ввязывались в сомнительные дела. Но Фрай избегал тлетворного общества и не обзавелся друзьями, исключая разве что нескольких корреспондентов, но до того занудных и дотошных, что делиться с такими людьми великою правдою не возникало желания.

Но сегодня его отрочество закончилось. Благодушие подсказывало, что он вполне справиться с поставленным жизненным кредо. В отцовский дом вернется разве для того, чтобы собрать свои вещи, тем более, что ему пообещали приход. А значит, не придется исполнять обязанности младшего священника, то есть, мальчишки при старшем настав-

нике. Это казалось невероятной новостью, сам епископ походатайствовал заранее, заботясь о дальнейшем благополучии скромного выпускника. Его ясный взор осветила искорка надежды, когда он узнал, что ему подыскали приличное место, не где-нибудь в глуши, а в маленьком городке.

– Благодарю вас, – ответил новоиспеченный пастор, – буду признателен.

Он откланялся его преосвященству, благоговей пред великим человеком, благодетелем детей церкви. Но как только дверь за Фраем закрылась и молодой пастор легкой, возвышенной (а может и окрыленной) походкой прошествовал в конец коридора, друг епископа, случайно приехавший в гости и слышавший разговор о приходе, заметил:

– А ведь вы, ваше преосвященство, не обмолвились, что приход за пять лет сменило семь священников. Не надобно ли, в таких случаях, предупреждать о странностях подобных мест?

– Что вы, милейший друг, – удивился епископ Глостерский. – Если уж быть предельно честными со всеми агнцами, они подымут бунт. Я же предлагаю ему место священнослужителя, и его отцу не придется и пальцем пошевелить в обустройстве сына.

Да где еще Уэнсли разрешат или предоставят такое заманчивое место? Семьсот фунтов в год – небывалый доход.

– Ну а что вы скажете, милорд, по поводу слухов, что частенько доносятся из тех краев? Городок Дарквудс только на

карте обозначен, как захолустный городишко, вот только долина черных рощей на самом деле такую не является. Еще лет двадцать назад там произошли скандальные пропажи достопочтенных господ, а самоубийства и вовсе в обиходе.

– Я не верю до конца, что все упомянутое – правда. Не спорю, последний священник сошел с ума, а его помощник загадочным образом скончался: его обезображенное тело выбросило рекою на западных равнинах. Но ведь это может быть и человеческих рук дело.

– Этот паренек тоже недолго продержится. Уж больно слабая натура, да еще весь такой испуганный да замкнутый.

– Выпьем за его удачу, милейший друг, – более ффривольно ответил епископ, доставая первосортный портвейн из тайных уголков рабочего стола.

Господа поговорили и забыли, предоставив молодому пастору самому во всем разобраться. А сам упомянутый священник, тем временем, нанял кеб, чтобы добраться до станции омнибусов, пересел в вышеупомянутый транспорт и уже назавтра добрался до родных краев. Железную дорогу даже в проекте не расчертили из-за скалистой местности, но добирался молодой человек комфортно.

Его встречала обеспокоенная сестра и невозмутимый отец. Фрай придерживался семейных уз, и как бы было не тяжело сейчас покидать все знакомое, новая жизнь открывала новые горизонты.

– Как прошел разговор с епископом? – поинтересовался

старик. – Получилось выудить себе местечко?

– Епископ Глостерский посвятил меня в сан и предложил только что освободившийся приход в небольшом городке, семьсот фунтов в год, представляете!

– О! – издала восклицание сестра, но тут же стыдливо опустила голову, девушке не полагается бурно выражать свои эмоции.

– Значит, помнят еще великую славу рода Уэнсли, – возгордился старик. – Скоро сам граф заговорит о нас почтительней. А сейчас это нужно отметить. Мария прикажи сегодня подать штропшот 18** года, да холодные закуски. На ужин пусть миссис Лэнси поджарит гуся. Я знаю, что это для воскресного обеда, но мой сын принял сан – великое благодеяние для семьи – и возможно в воскресенье он произнесет свою первую проповедь. Так что гуся подавайте уже сегодня.

– Нет, батюшка, в это воскресенье я еще проповедовать не буду. Но как только я обустроюсь, не буду медлить со своим назначением.

– Все равно, гуся мы съедим сегодня, – гордо молвил старик Уэнсли.

Мария четко выполнила указания отца. Хотя с миссис Лэнси пришлось повоевать: упрямая кухарка нарекала на недостающие руки; и что давайте перебьем всю птицу уже сейчас, а на следующей неделе начинаются приготовления к майскому празднованию в округе, а у них только горох из еды останется. Что ж, Марии не в новинку было помо-

гать сварливой кухарке, особенно, когда дело казалось незапланированных пиршеств. Сегодня девушке пришлось самостоятельно ошипывать гуся, а днем ранее готовить десерты, а там поди и еще чего стряпать. Прислуга, при таком попустительстве, эксплуатирует хозяев. Миссис Уэнсли отошла в мир иной уж пять лет как. Молодую девицу на пару лет сдали в пансион для образованных барышень, но к ее пятнадцатилетию отец вызвал ее вести домашние дела. В суматохе, милое создание все же успело черкнуть письмо тете Розерри, чтобы они по возможности приехали увидеться с Фраем перед его отъездом. Тетя Розерри (жена младшего брата Уэнсли – заместителя декана) поддерживала отпрысков Уэнсли-старшего.

Бездетная чета, не обремененная наследниками, принялась опекать осиротевших племянников. Правда, дядя не мог влиять на Фрая, а вот его супруга прекрасно ладила с племянницей. Мы забыли упомянуть, что Фрай не приходился отцу старшим сыном, его брат Стивен наследовал имение отца, а младшему улыбнулась судьба получить приход и зажить вольной жизнью. Отец даже не пожалел уже сейчас разделить материнское наследство между двумя младшими детьми, только почему-то дочери в приданное досталось всего полторы тысячи фунтов; а брату – в двое больше.

Стивену тоже сообщили о приезде брата, он сам отсутствовал несколько дней, исполняя роль управляющего делами отца. Собственно, по характеру и повадкам, старший сын

был копией родителя, поэтому, если Фрая отец осекал, то старшему предоставил свободу; да и что ужимать, если Стивен был человеком дела, особенно в нем проявлялась хозяйственность и ответственность. Большим умом не отличался, в демагогию не впадал, искать приключения не брался, зато старался сделать имение более прибыльным. Отец гордился наследником, но нынче он уже гордился двумя сыновьями – первым за сходство с собой и деловитость, вторым – за небывалую удачу в получении прибыльного прихода.

Мария сдержанно радовалась за брата, она любила Фрая больше, потому что он один относился к ней очень хорошо, а теперь он уезжает, и сестра останется жить с двумя абсолютно чуждыми ей людьми. Ее старую няню уволили, пообещав найти новую компаньонку, и вот вчера она познакомилась с женщиной, которую при ней приставили.

Мария была утонченной натурой, а вот миссис Ридс – женщиной грубой и резкой.

Нянюшка Элен привила своей воспитаннице хорошие манеры, руководствуясь интуицией: воспитала в податливом ребенке добросердечного человека. Но что могла дать девушке грубая женщина? Видимо, мистер Уэнсли поскупился на хорошую, образованную компаньонку, наняв простачку задешево. И она теперь не будет видеть своего брата Фрая и окончательно замкнется в том просторном мирке, что вытесали для нее ее родные.

Но сегодняшним вечером, во время смакования нежным

гусем и разбавленным штропшотом, что его готовили только представители рода Уэнсли – из красного сорта винограда с добавлением жгучих специй и сладких ягод – она искренне радовалась за дальнейшее благоустройство брата. Печаль девушка оставила на завтра, когда карета увезет родного человека в дальний край, тогда она зальется жгучими слезами. Фрай решил не медлить с отъездом. Вещей у него имелось не так много, чтобы упаковывать их несколько дней, а вожденный приход уже сейчас нуждается в пасторе, как стадо овец в пастухе. Стивен тоже радовался за брата, на свой собственный лад: похлопал по плечу, коротко отрезал, что обязательно погостит, даже если ему предложат койку в чулане. А если будет чулан и комнатка, то возьмет сестру. Мария аж расцвела от таких слов – увидеться с братом, погостить у брата. Фрай уверял, что пока не интересовался совершенно, каким будет его новый дом, но если его родные захотят приехать, он найдет для них местечко.

– Если дом маленький, – ответил отец, – сделаешь пристройку. Если же большой – заколоти лишние окна, налоги нынче разоряют состоятельные семьи, из-за таких вот мелочей. Слуг держи в узде, а вообще, не плохо бы обзавестись разумной женой, чтоб держала служанок в кулаке.

– Отец, я еще не уверен, что хочу жениться. Моя избранница – не сиюминутное увлечение, ибо с такой женщиной я не смогу жить потом. Она должна выдержать испытание временем.

– Тогда, ты останешься холостяком, – хихикнул брат. – Девицы нынче нетерпеливые, вон Энн-Бетси, посчитала в прошлом сезоне себя влюбленной в меня, но стоило мне не ответить пылкой заинтересованностью тогда – в этом сезоне, я узнаю, что она уже помолвлена с другим.

– Не все девушки такие ветреные, – решила вставить слово сестра, – бывают особы порывистые, корыстные и неблагонадежные, но я знакома с дюжиной прилежных, тихих и верных будущих спутниц своих избранников. Правда, они не блистают в обществе.

– Откуда тебе такое может быть известно? – удивился отец.

– Она переписывается много, – заметил Стивен.

– Ах, вот почему у нас такой расход бумаги, чернил, перьев и свеч, в придачу. Я-то думал, что это Стивен ведет деловую корреспонденцию, а вот ты можешь сократить свои письма до одного в месяц.

Мария совсем сникла, это было единственное ее увлечение – она взращивала в себе беллетристический стиль написания, ее художественные очерки природы и явлений общественной корреспонденстки подавали заметками в местной газете, и девушка этим гордилась, но что такое одно коротенькое письмо в месяц для пылкой и чуткой натуры?

Не успели господа закончить пиршество, как слуга сообщил, что приехал помощник декана со своей женой.

– Это я сообщила нарочным, – заметила робко Мария,

опасаясь вспыльчивости отца, — хотела порадовать тетю.

— Ну, это можно, — хмыкнул Уэнсли-старший, — давно не видывал старину Роджера, да и Розерри не часто нас навещает, думал, уже возгордились...

Роджер Уэнсли, брат Джона Уэнсли и опального отступника Эдварда Уэнсли, вошел в гостиную, когда господ еще там не было. Все семейство собралось чуть позже. Тете Розерри оставили в собеседницах Марию, а мужчины удалились обсуждать дела без посторонних ушей. Фраю выпал карт-бланш — многие разговоры велись о его удачном посвящении, да еще уютное местечко в придачу. Тем временем, Розерри и Мария беседовали. Племянница поверяла тете самую сокровенную печаль — предстоящую разлуку с братом и ограничение отца на письма. Миссис Уэнсли, женщина возвышенных мировоззрений, тоже не оценила новую компаньонку, называя ее простолюдинкой.

— Как же ограничена моя жизнь, — тяжело вздыхала Мария, — я уже жду, что когда-то Фрай позовет меня в гости, иных развлечений я не имею.

— Это плохо, что отец не вывозит тебя в свет, — заметила тетя Розерри. — Попрошу Роджера поговорить с ним, но он же такой упрямец. А Фрай наш молодец, дай Бог ему удачи на предстоящем поприще, из него получится прекрасный проповедник и блюститель истины.

— Тетушка, если б мне было позволено погостить у тебя, но я даже боюсь озвучить такую смелую дерзость. Отец не

отпустит меня, на мне лежит управление домашними делами.

– Ах, милая, ты нуждаешься в нормальном женском обществе. А вот запрет на письма – просто чудовищно, ну ничего, я постараюсь раздобыть тебе все необходимое, такой талант зарывать в землю не стоит, – племянница горячо поблагодарила свою тетю, хоть в этом ей была отрада.

Но тихие женские вздохи тонули в мужском хохоте и веселье. Представители семьи Уэнсли, кроме того, кто не имел права носить это славное имя, не часто собирались вместе. Но теперь в полную наслаждались обществом друг друга. Фрай рад был сообщить дяде, что не прочь продолжить дальнейшее образование на магистрата теологии.

Помощник декана сразу же похвалил племянника, посоветовал пару нормальных хрестоматий в сиим предмете и толкового учителя, а Уэнсли-старший и Стивен завели разговор о ферме Маклая, который хотел поторговаться за три акра пастбищ. Видите ли, они все заболочены, значит, цену обязаны скинуть втрое, но наследник имения Уэнсли отстаивал свою точку зрения, и поступаться не хотел; отец рьяно поддерживал отпрыска – невиданная наглость, так это удешевление его имущества.

– Такие сочные травы, а летом вообще не найдешь такого райского уголка, да за такие смешные деньги, а ему видите ли местность топкая, – жаловался сын отцу.

Семейство Роджера Уэнсли пригласили погостить еще

недельку, а вот Фрай отправлялся в путь уже назавтра. Молодой человек позавтракал со всеми напоследок, общаясь с каждым с особенным радушием, его взор излучал надежду, хотя будущность вызывала сомнения и страхи. Но для родных он хотел казаться веселым и беззаботным.

Особенно его заботило мнение Марии, ее так мало ценили нынче, но ведь в преданности сестры он не сомневался. Отец суров – загнать ее в четыре стены и не выпускать в общество вовсе, лишая даже крохотной надежды устроить свое личное счастье. Да и погостить у тети ей тоже не разрешалось, видите ли, от этого у девушек портиться репутация. Пригласить ее погостить у себя, было интересной идеей, жаль, что сейчас он едет в неведомое место и не знает, как сложится его дальнейшее существование.

Глава 2

Страшной ночи посвящена

Поначалу карету трясло, и лошади шли практически шагом, но стоило лишь спуститься с узкой, горной тропинки, как шаг ускорился, а сердце забилося в предвкушении. Он едет вступать в новые дали, жить жизнью, не расчерченной законами отца. Тропинка спустилась в низину, где пушистыми лапами, обволок все белесый туман.

Пела одинокая птица, но песнь ее звучала ужасающе, будто предупреждение ступающим путникам на новую тропу. Фрай не прислушивался ни к птичьему крику, ни к нетерпеливой лошади, недовольно фыркающей на каждом шагу, будто все окружающее раздражало благородное животное, пока что сердце его билось из других причин.

Городок в действительности был заурядным, только одна промышленная фабрика, но хорошо развито кустарное ткацкое производство, да изготовление гончарных изделий. Три улочки, сходявшиеся в круговороте в центральную площадь, на которой серой глыбой возвышалась вековая церковь, да приходской дом; была тут еще городская ратуша, но она стояла напротив церкви и меркла в ее величии. Деревянное, квадратных размеров, однокомнатное помещение, где соби-

рались представители местного управления и решали дела горожан. Возле церкви пристроен был приходской дом, из того же камня, как продолжение величественного храма. Все ставни второго этажа были наглухо заколочены, видимо эта часть здания простаивала за ненадобностью, хотя по количеству окон, первый этаж вполне удовлетворял требования бывших хозяев. Крышу недавно меняли, да и печная труба выглядела новенькой, это уже радовало, значит, дом не должен оказаться таким старинным и ветхим, что в нем потолок будет лететь трухой. Вечерний закат багряным мазевом пробивался сквозь густой туман, весеннее солнце не могло предъявить права природе, но пыталось. Ночью обязательно хлынет дождь, без этого, увековеченная во многих романах хрупкая и сердобольная, как девичье сердце, природа туманного и дождливого Альбиона, не представлялась на материке. Значит, мешкать с распаковкой вещей не стоит, да и вообще, требуется торопливый перенос имущества, хотя его не так уж много, чтобы не подавать соблазны людям неимущим и бездомным. У дверей пасторского дома, Фрая встретил привратник, что приглядывал за местным храмом, в отсутствие должностного лица. И хотя на вид привратнику было не больше сорока, преподобному Уэнсли показалось, что перед ним совершеннейший старик. Поскольку тот еле ходил, прятал в широких рукавах скрюченные пальцы и не смел взглянуть молодому человеку открыто в лицо. Внутри здание отталкивало так же, как и снаружи. Будто здесь два-

дцать лет никто не жил.

– А как давно дом опустел? – поинтересовался Уэнсли, рассматривая проржавевшую каминную решетку и пыльный пол в предполагаемой гостиной.

– Два месяца назад, – невозмутимо ответил привратник Хопкинс, занося последний чемодан. Фамилию он сказал неохотно, будто ему все равно было, как к нему обращаются, но Фрау не откажешь в упорстве, когда этого требовали приличия. Странноватый тип или усталость организма достигла апогея и недоверчивость проснулась ко всем обитателям земным и насущным.

– Странно, – выговорил Фрай, – такое чувство, что здесь не жили больше года.

Видимо, предыдущий владелец вел слишком аскетический образ жизни: не принимал посетителей и обходился малым в жилье? Видимо, солидный возраст сослужил недобрую службу, приковав человека в четырех стенах, – про себя размышлял Уэнсли.

– Преподобному Джеферсону было чуть больше вашего. Он вел здоровый, активный образ жизни и любил общество, – ожидая дальнейших указаний, или когда надоедливый молодой священник его отпустит, нехотя ответил Хопкинс.

– Тогда, почему дом настолько запущен? – Фрай не мог удержаться от жеста рукой.

– Потому что, господа тут не задерживались.

Уэнсли взглянул на собеседника с толикой недоверия, но тот смотрел безразлично в пол, никак не выказывая своих эмоций, будто ему все равно. Наконец, прислужника отпустили, но пригласили назавтра еще помочь. Нашего пастора все равно мучил вопрос, почему прибыльный провинциальный приход, где обитала немногочисленная паства, не привлекал преподобных отцов, что они предпочитали отсюда съезжать. Хотя могли присутствовать очаги опасных болезней, но его собеседник отрицательно покачал головой на подобное предположение, да и похороны в последний раз проходили тут давненько.

Молодой пастор, как здравомыслящий человек, счел, что у него есть предостаточно времени, чтобы начать разбираться во всем, но свои начинания он продолжит завтра, а после полтора дня в пути следует немного передохнуть. Жилые-то комнаты в доме имеются. Наутро он наймет работников, чтобы вывели и выдраили его пасторский домик, присмотрит кухарку и экономку из местных женщин, а в церковь закажет парочку маляров да кровельщиков, ибо опасался, что раз жилое здание в запустение, что уж говорить о храме Божьем.

Действительно, одна комната в доме казалась не такой запущенной. Здесь чудесным образом находились все необходимые принадлежности: чистое постельное белье, острые цирюльные приспособления, новые рубашки, фарфоровый умывальник и таз. На полках стояли книги, постель была ак-

куратно заправлена, будто ожидала возвращения хозяина.

Прикроватный столик со свечей и кувшином для питья, пара стеклянных стаканов, ночной горшок и все прочее. Был и рабочий стол у окна, на котором лежали стопка чистой бумаги, закупоренные чернила и пара наточенных перьев. Комната будто специально для него приготовлена, вот только воды для умывания не было, некому ею запастись. А еще в камине заложены сухие дрова для растопки и кочерга стоит, только тонкий слой пыли намекал, что помещение подготовлено уже давно и некому этим воспользоваться.

Преподобный Уэнсли оценил знак гостеприимства и разжег огонь в камине, правда за водой ему придется отправиться, без этого никак. Колонку он видел неподалеку пасторского дома, подъезжая к крыльцу, всего пару шагов ступить. Она примыкала к жилому дому, но сделана была так, что отсекалась от выброса предполагаемых нечистот, которые сбрасывались в сточную яму, что выводила зловонные воды за пределы городка.

Поздним вечером выходить на опустевшую площадь стало даже слегка страшновато, но преподобный Уэнсли порицал себя за минутное замешательство – луна проступает сквозь облака, освещая бледным светом территорию, незнакомца он явно заметит издалека, да и пустынная тишина ему на руку. Дождя сегодня не предполагалось, туман отступил, ветер гнал облака прочь. Набрав необходимое количество воды, молодой человек быстренько постарался зайти внутрь и

запереться, теперь у него все есть, чтобы привести себя перед сном в порядок и отдохнуть с дороги. Ужинать молодому человеку довелось сухим провиантом, что так заботливо упаковала его сестра – вяленый балык, да присоленный бекон, вареные яйца и бутылка домашней наливки, краюха мягкого испеченного хлеба.

Мария будто бы знала, как выручит, нынче сей нехитрый провиант ее брата. Он вознес благочестивую молитву, поблагодарив Всевышнего за то, что удачно добрался до нового жилища и наскоро перекусил хлебом насущным, ибо уже с ног ввалится от усталости.

Наливка из домашних фруктов и ягод приятным теплом разлилась по телу, которое он наскоро обмыл и передел в чистые одежды – рубаху и нательные домашние штаны из полотна. Постель манила в свои объятия и Фрай не смог ей дольше противиться. Как только уставшее тело удобно уместилось и расслабилось, молодого человека сразу сморило.

Поначалу, сновидения не тревожили разум пастора, лишь приятная пустота. Но в скором времени он забылся, чуткое ухо слышало слегка уловимый шум, что пронесся над ним, будто шуршали крылья. Пастор открыл глаза или это сонное воображение нарисовало ему такую картину – у его изголовья с левой стороны сидела сова с красивым серебристо-серым отливом и ярко-рыжим загривком, ее глаза светились изумрудным светочем, а удлинненные зрачки внимательно рассматривали гостя. С другой стороны тоже послышался

звук, и пастор повернул голову – справа его с любопытством рассматривала серая летучая мышь, выставив напоказ свои маленькие, заостренные клыки, будто улыбаясь. Фрай улыбнулся ей в ответ и снова закрыл глаза – забавное сновидение. Но тут его что-то коснулось – рука, несущая приятную прохладу, легонько очертила овал лица. Он снова открыл глаза, все та же сова, вот только она протянула крыло, которое плавно переросло в человеческую руку. И тут Уэнсли будто бы проснулся от приятной дремоты, потер руками глаза, но не увидел, ни красивой совы, ни ее спутницы – летучей мыши.

Молодой человек поудобней сбил подушку и устроился дремать дальше, вот только следующие звуки его явно насторожили – за дверью скрипели разошедшиеся деревянные половицы, кто-то к нему подбирался. Дверная ручка начала проворачиваться и на игру воображения это уже не смахивало. Угасающий огонь в камине давал слабый свет, а свечу молодой человек зажечь не успевал. На прикроватной тумбочке, к которой интуитивно потянулась рука Фрая, ничего опасней талмуда со святым писанием да перочинного ножа не обнаружилось. А меж тем дверная ручка поддавалась напору.

Уэнсли конечно предполагал, что в любом городе имеются вору, которые обчищают обычных жителей по ночам, но ему не верилось, что встреча с ними состоится сию же минуту, когда он только прибыл на новое место, да еще когда один

и незащищен. Правда, то, что увидел наш герой потом, нишло ни в какое сравнение с уличными жуликами, а главное испугало на порядок сильнее. Хотя поначалу он недоумевал, ведь в дверях нарисовалась фигура привратника Хопкинса. Луна как раз заглянула в окно пасторского домика и млечным свечением озарила белый силуэт церковного помощника. Уэнсли сел на кровати, сжимая в руках нож и книгу. Возможно, столь поздний визит имел под собой какое-то неотлагательно-срочное обстоятельство.

– Хопкинс, что-то произошло? – вполне спокойно спросил священник, всматриваясь в непривычно бледное лицо привратника.

– Кровь... – ответил тот и в голосе проскочили металлические нотки, но разве разыгравшееся воображение не искажает слуховые и зрительные образы. Подчас мы можем уловить что-то ужасное, что на самом деле таким не является.

– Что? Кто-то ранен или умер? – еще раз задал вопрос Уэнсли.

Но Хопкинс тоже выразился вполне спокойно, даже немного торжественно и протянуто:

– Кровь, свежая кровь... вкусная свежая кровь, – и двинулся на священника.

Уэнсли испугался и подскочил с кровати, его здравый смысл буквально отказал ему, – тот человек сошел с ума. Меж тем, белый как снег, Хопкинс оскалил зубы, и это были нечеловечьи зубы, а клыки опасного животного, предназна-

ченные, чтобы разрывать плоть:

– Погодите, мистер Хопкинс, – отскочил к камину Уэнсли. – Давайте объяснимся.

– Вкусная, теплая кровь, – шептало нечто в человеческом облике, плавно опускаясь на четвереньки, чтобы уподобиться на зверя. Поистине, это был не человек!

У Фрая до сих пор в руках была только Библия и ножик, но разве можно отбиваться от ненормального таким оружием?

– Сгинь! – воскликнул он. – Прочь, нечистый!

Ответом ему послужил смех отнюдь не веселый, а жуткий; человекоподобный зверь даже остановился, чтобы воссоздать всю силу этого жуткого звука. Крамольный смех – если обозначить его чем-то жутко-запретным, не поддающимся пониманию для обычного человека. Но нечто не могло долго продолжать издавать такие звуки, оно снова взглянуло на Фрая и продолжило свое шествие.

Фрай приготовился распрощаться с жизнью, вслух произнося молитвы Всевышнему, Деве Марии и всем святым, которых помнил, прося пощадить его и уберечь, особенно душу. Но перехватив у очага еще горячую кочергу, которая зашипела в его руке, попытался отмахиваться ею от монстра. Шаг, удар, прыжок, выпад вперед и книга полетела в чудовище. Тот не успел увернуться от увесистого фолианта и взвыл, будто получил кирпичом. Но это ни сколько причинило ему боль, сколько рассердило. В руках оставалась одна

единственная кочерга, что обожгла его ладонь, но боль физическая отступала перед паническим страхом, что возымел верх над молодым человеком. Кочерга была необычной, с заостренным наконечником, будто предназначалась для широко использования, нежели обыденное перемешивание угля в камине.

Прыжок на Фрая, оскал зубов, замах металлическим оружием, мгновенье, и атака отбита. Человекоподобный монстр отлетел и снова принял наступающую позу, оскалил сердито зубы, намереваясь все-таки вцепиться в живую плоть. Фрай отбежал в противоположный угол, бросил еще что-то, но промахнулся, а его противник довольно оскалился. Священник схватил туалетный столик и поставил преграду, нападающий перецепился, преодолевая преграждение, рыкнул и пополз, уподобляясь червяку, поистине непривычное зрелище – видеть, как человеческое тело ползет. И взгляд, этот стеклянный пространственный взгляд, будто смотрит на тебя мертвец. Рациональный Фрай хватался за крупницы здравого убеждения: но не может же быть, в самом деле, это мертвецом? Но одно он точно знал – есть Бог, и есть Дьявол, так вот – это происки Дьявола. Он послал на землю нечто из пекла, что приняло человеческий облик и нынче хочет проверить, сильна ли вера служителя церкви. В остальном, он никак не мог объяснить происходящее, но как бороться с адским выродком, прикажите? Бросая в тварь все, что попадалось ему под руку, он начинал отчаиваться, а бесовское от-

роде сокращало расстояние. Нечто не останавливали тяжелые вещи, оно извивалось подобно змее, его глубокие увечья не заливала кровь, просто зияли дыры на мертвецком теле.

Луна устала заглядывать в окно, пологие тучи все чаще прятали небесный светоч, и в краткие мгновенья тьмы, Фрай испытывал неподдельный ужас, когда не мог видеть хотя бы очертания нападающего. А тот становился осторожней, замирал, прислушивался, выжидал. Его жертву было слышно по биению живого и трепетного сердца, учащенному дыханию и молитвам. Человекоподобная тварь не могла подобраться вплотную, ей не нравились святыя изречения, а Уэнсли уже по какому кругу, часто сбиваясь, в голос обращался ко Всевышнему. Хорошо, что молодому священнику образование давалось легко, и он много зазубривал из Нового и Ветхого завета, и ныне все сказанное из святого писания, действовало, как незримый щит и не нравилось адскому посланнику. Оно не могло приблизиться, когда до него долетали изречения святого отца, чтобы как следует напасть – приходилось действовать рывками, когда голос надрывался и на мгновенье смолкал. В последний момент, Уэнсли сорвал с себя нательный крестик и постарался перекрестить демоническую тварь, действовал пастырь наугад, возможно сознание или подсознание подбросило картину Джотто об изгнании бесов, что видел на уроках теологии в университете. Там, молодой монах Джованни преклонившись перед одром умирающего, читал святыя молитвы. В момент написания

картины на его устах застыли слова: «Изойди, нечистый, из глубин души человеческой раба божьего Себастьяна, дай покой страждущему, освободи дух человеческий и возьми во власть животное неразумное, ибо не крещено оно...». Затем ритуальное животное забивали (чаще на такие ритуалы приводили свиней) и сжигали, развеяв потом пепел по ветру.

Фрай тяжело выдохнул, а если ему провести обряд экзорцизма, правда Англиканская церковь не практиковала пресловутую науку, но в конкретный миг безысходности и сейчас, отступление от доктрин может спасти ему жизнь. Смахнув крупные капли пота со лба, облизывая сухим языком пересохшие губы, Уэнсли начал повторять вымышленные постулаты изгнания бесов, пытаясь даже спеть псалмы «Верую в Бога и требую нечистый, изойди из раба божьего Хопкинса, оставь душу страждущего...».

Нечисть на время замерла, прислушиваясь к ритуальному бреду святого отца, поначалу она слушала, потом завывала, как гиена, но в следующий миг, глаза наполнились адским жаром, вспыхнули двумя огнями в темноте и вой стал напоминать надрывистый хрип и дым повалил из ноздрей. Теперь адский посланник разозлился не на шутку.

Перестав выискивать способ выпить кровь жертвы, просто захотел убить преподобного Уэнсли, потому что, тот зацепил нечто грандиозное – струну, которая удерживала его в этом теле, и теперь струна рвалась и бес должен был покинуть тело. Уэнсли одной рукой держал впереди себя натель-

ный крест, другой – пытался нащупать дверную ручку. Удача!

Вожденный предмет послушно закрутился в его руке, рывок, вылет, хлопок и демоническая сущность по ту сторону двери. Уэнсли едва сдерживает монстра, что рвется к нему. Драматизма сцене добавляет крошечная тьма, священник читает молитвы, ответом ему служит разъяренный рык бесовской силы. Сцена в театральной пьесе приукрашена была бы органной музыкой, стуком по железу и завыванием дворовой собаки. Из-под двери клубящимися бы сочился дым и вспыхивал красный свет. Но в этот момент рядом не плясали переодетые и воображаемые черти, а то, что рвалось к Фраю, не произносило грозных речей, оно определенно гадко выло. Пастор терял надежду, взывал к небесной помощи. Если бы разверзлись небеса в тот самый момент, он бы не удивился, а только обрадовался, – и строй величественных ангелов трубил в небесные трубы, выступив из тьмы – не обомлел бы от подобного благодеяния, а лишь возблагодарил за помощь. Но ночную пелену не разрывал чудодейственный искристый свет, не пели псалмы. Все, что было здесь – это жуткое нечто, разъяренное и увеличивающее силы. Старые створки уже не выдерживали напора того, что их рвало. Мгновенье, и сам Фрай отлетел в сторону, дверь швырнуло об стенку в нескольких шагах от него. Во тьме снова загорелись красные огоньки, из пасти вырвался рык. Пастор не мог увидеть, как обезображено лицо привратника,

но нарисовал в голове достаточно убедительный образ. Чудовище двинулось мерным шагом, путь жертве отсечен, куда ей деваться, а Фрай тоже постарался подняться на ноги и в последний раз заговорить с чудовищем:

– Мистер Хопкинс, если ваша душа захвачена бесом, умоляю, не поддавайтесь. А ты, нечистый – изойди из тела страждущего, ибо на то воля Божья...

Его нога за что-то зацепилась – это кочерга, да-да, а ведь он ее бросил еще в той комнате. Быстро подняв с пола нужный предмет, пастор опять взмолился к Богу:

– ...К тебе, Боже, милостивый обращаюсь, раб твой покорный, если телу суждено умереть в сей час, позаботься о душе, ибо верую в Тебя и преклоняюсь пред твоим величием, – на мгновение новоиспеченный священник закрыл глаза, пытаясь опомниться.

Тварь приблизилась вплотную, облизала клыки змеиным языком, попыталась когтистыми руками вцепиться пастору в шею. И вот Фрай, схваченный за горло, безвольно повис в воздухе на уровне морды нечисти, а тот, вкушая каждую минуту страха, сценически растопылив пасть пошире и с адским хохотом вознамерился разmozжить пастора, как желе. И тут Фрай вспомнил про кочергу, будто это ритуальный нож, другой мысли в его голове просто не было – Изойди, нечистый... – хрипел он, и тяжелый металлический предмет вонзился в нечисть сбоку. Бесовское отродье на миг потерялось, всматриваясь в железяку, торчащую в бок, потом от-

бросило Фрая так, что тот перелетел почти весь коридор, и попыталось эту самую кочергу из себя вытащить. Не получалось. Оно заревело, подобно раненому зверю, аж уши заложило, и ветер погнал пыль на пастора. Тот поднялся, опираясь об стену, все тело болело, шея ныла, левое запястье тоже. Фрай отступал назад, опираясь, убежать он не мог из боязни и от бессилия, язык ему не повиновался, в горле пересохло, жажда мучила, будто он в пустыне побывал. Да и тьма не позволяла ничего увидеть, кроме страшных огоньков в другом конце коридора. Нечисть снова схватилась за кочергу, как-то сильно она вошла в нее. Уэнсли подивился своей силе, подступающую слабость он разорвал словами, которые лились через ватный рот:

– Изойди дух нечистый, из раба божьего Хопкинса, ибо его тело тебе не принадлежит.

Вернись в пекло, ибо только там твое место. – Эти слова звучали шепотом, сипло, а потом сморенный пастор присел, а в другой стороне коридора, наступила тишина. Занавес опущен.

Глава 3

Рассказывает о посетителях

Солнце не могло озарить темный коридор через узенькое окошко первого этажа, в холле и предполагаемой гостиной так же стоял полумрак. Неподалеку послышался звон колоколов, что находились близ ратуши. Отбивали девять раз. Это были своеобразные часы, звонить начинали с шести утра и до девяти вечера каждый день в любую погоду.

Этим занимался особый человек, живущий поблизости и постоянно сверяющий время.

Площадь потихоньку наполнялась людьми, как актерами на сцене. Пока что они суеились, создавая атмосферу городской жизни: разговаривали, делились новостями.

Главной новостью было прибытие нового священника в пасторский домик, вот только его приезд видели пару запоздалых зевак, а больше никто. Да и где остановился на ночлег святой отец, неужели в приходском доме – невероятно!?

– Может и вовсе не приезжал, – говорила одна дородная, просто одетая женщина с румяными щеками, другой. Это были две кумушки, вышедшие на промысел. – Видит Бог, здесь такие вещи происходят.

– Да, только Харли его видел, карету и поклажу...

– Старый пьянчуга, как всегда, ползет домой в сумерках. А кто ж встречал святого отца?

– Да Бог его знает, я в такое время не выхожу...

В нескольких шагах от товарок – что так бесцеремонно, уперев руки в бока, громко разговаривали – шли и беседовали пожилые дамы:

– Ох, проклятое тут место, Анна. Мой благоверный приглядывается снять дом в соседнем городке. Я же его упрашиваю свозить меня к морю, низинный туман плохо действует на мои легкие...

– Ох, миссис Баркли, коли б мой супруг мог тоже отсюда уехать...

Неподалеку от них разговаривали господа, жаловались на повышение цены на табак, проклятых спекулянтов, удушливые налоги и на владельца таверны, что так подло повысил цены на пиво и что благородный напиток больше смахивает на пойло для скота.

Тот джентльмен, что был одет посолидней, да и возрастом опережал собеседника, обреченно заметил:

– Поговаривают, к нам приехал новый священник?

– Почитай, каждый год приезжают, да никто не задерживается: кто съехал, кто разума лишился, а кто и грех на душу взял.

– Да Грег, что-то нехорошее живет в нашем краю, мы ведь и сами боимся по ночам выходить, да соль у порогов сыпем, а святые отцы, они ведь больно образованные, в приметы не

верят...

– Да, мистер Стоксон, жутко ученые, вот и страдают...

Но, какая же площадь без торговцев едой, а те рады стараться, да свой съестной товар покупателям предлагать, да еще и зычно зазывать. А вот и кофейная лавочка подъехала, вернее, тележка оббитая деревом, уложенная разными тряпками, чтобы дольше тепло сохранять. Две товарки сразу достали то, с чем сюда явились: яблоки моченные, да пирожки с ливером; благородные дамы пошли выпить кофе, господа и дальше жалуюсь на несносных торговцев, пошли покупать табак, а шустрый мальчишка-газетчик громко провозглашал самые свежие на свете новости:

– В городе появился новый священник, таинственно приехав ночью, покупайте «Утренний вестник Дарквудса»; ужасные новости – пропал Свилфордский всадник!

На этот возглас мальчишки откликнулся тот, кто обитал в приходском доме. Фрай открыл глаза, вокруг него еще стоял полумрак, свет лился только через пыльное окошко.

Молодой священник боялся пошевелиться, боялся взглянуть в глаза ужаса минувшей ночи.

Но ему, так или иначе, придется выйти на улицу, не сидеть же здесь в ожидании новых призраков? Но любопытство возобладало в молодом человеке – хоть бы глазком взглянуть на тело привратника Хопкинса. В том, что тот мертв, пастор уже не сомневался, а иначе сейчас бы предстал на суд Божий. Джентльмен осторожно поднялся и пошел по кори-

дору, проснулись боль в теле и неимоверная жажда, сумрак мешал оглядеться дальше своего носа, страх боролся с любопытством, как сражаются два отважных рыцаря – один в белых латах, другой – чернее воронова крыла. Он подошел ближе, как ему показалось, на то место, где вчера у него произошла драка с нечистью. Вот валяются щепки от разбитой двери и его кочерга, значит, тварь сумела вытащить из себя оружие, вот только нет следов отступления, лежит грудка пепла на ковровой дорожке и все, кстати, откуда она взялась? Постепенно комната залилась дневным светом, все в ней напоминало о борьбе: вещи разбросаны, мебель опрокинута, книги плавают в луже. Фрай с ужасом осматривал свое жилище, его эмоциональное состояние не позволяло сейчас стать таким как прежде.

Кроме того, горло драла непередаваемая жажда, и какое же счастье увидеть целым графин с водой, который чудом уцелел. Он бросился к нему и прижался, будто не пил уже целую вечность, его внешний вид, чего таится, отпугивал приличных людей, да и манеры подрастерялись.

– Что же тут такое было? – задался он вопросом. Реальность происходящего противоречила его взглядам о жизни и вечности, сознание не принимало всей той чертовщины, что творилась накануне. Это ж надо такое – обычный человек, приветствующий его в дневные часы, нападает на вас, будто хищный зверь. И это не помутнение рассудка – все происходящее реальность, такая же, как и боль ушибленного запя-

стья. Но время для долгих рассуждений о бытии резко отня-
ли, кто-то постучался в дверь.

Поначалу, Уэнсли решил никому ничего не открывать,
как знать о планах нечисти, она ведь и в дневные часы мо-
жет напасть, но если так – он скоро сойдет с ума никому
никогда не доверяя, сомнения в душе закрались в потайные
уголки, но храбрость решила взять верх. Меж тем, пока в
душе пастора соперничали противоположные чувства, стук
повторился, в этот раз настойчивее. Фрай поднялся и пошел
открывать, не отдавая отчета себе, в каком виде предстанет
перед посетителем. Дверь широко открылась и на пороге по-
казалась первая посетительница – рыжая девица в светлом
наряде и соломенной шляпке. Стоило удивляться только ее
неподходящей одежде – слишком легко одета для прохлад-
ного весеннего утра, даже накинутый плащ показался тоню-
сеньким. Ее красивые, зеленые глаза прищурились, стоило
только взглянуть на священника. Фрай осознал, наконец, в
каком наряде предстал перед дамой, он ведь даже не наки-
нул халат, так и стоял в рубаше и нательных подштанниках,
да еще и растрепанный, будто провел ночь в каком-то сарае.

– Здравствуйте, – молвил пастор, когда уже было поздно
смущаться.

– О-у, здравствуйте, вы наш новый священник?

– Да, мисс...

– Мисс Фрейлин, можете меня так называть.

– Просто мисс Фрейлин? Это ваша фамилия?

– Нет, имя.

– Такое странное имя, а фамилия какая?

– Святая простота, – улыбнулась девушка. – Но это все, чем я располагаю.

Фрай недоверчиво хмыкнул, ох уж этот городок и горожане, может не поздно написать епископу о переводе, только тогда самому придется искать приход, подключать отца, дело может потерпеть неудачу.

– Да, новый приход найти нынче сложно, – заметила дама.

Уэнсли смерил девушку изучающим взглядом, откуда она взяла такие умозаключения, будто мысли прочла, ибо он не произносил ничего вслух. Мисс Фрейлин, слегка стрельнув понимающим взглядом, прошла в гостиную, ну не будет же она стоять у дверей, пока джентльмен разложит все по полкам в своей голове. У сего джентльмена, между прочим, сейчас именно плясали кузнечики вместо мыслей. Только зажглась заря наступившего дня, а жизнь подкидывает следующую загадку. Вот и желудок проснулся, предательски подал о себе знать, после таких приключений, силы нужно пополнить.

– Невеселая ночка? – заметила дама. – Вам досталось прилично, но ваш подвиг вдохновляет и вселяет надежду...

Если она не прекратит говорить загадками, ему придется ее выставить, хотя это серьезнейшее нарушение правил этикета, но определенно, дама сейчас загоняет джентльмена в тупик. Извечная проблема мужчин – опасаться умных жен-

щин.

– Я понимаю, вы растеряны, все еще пытаетесь объяснить-ся с собой. Но скажу вам честно, как человек, что преклоняется перед самоотверженным мужеством – такое постичь не каждому дано. А то, что вы увидели, а главное – сделали, свидетельствует о том, что наш край давно на вас ожидал – героя чистого сердцем и душою.

Девушка замолчала, она и так высказалась довольно горячо, теперь же пришлось унимать все порывы души. Но Фрай только смотрел, для него это был определенно какой-то бред, откуда ей – незнакомке – все это известно, не могла же она это подглядеть в окно.

– Да, я смотрела на вас с чердачного окна, ближе боялась...

Вот теперь не помешал бы стул, да еще пару глотков воды, унять волнение, эта девица не просто так зашла в гости, она прямо пытается уничтожить крохи восстановления равновесия мыслей в его голове, да еще и мысли читает. Фрай отошел от не прошенной гостьи на несколько шагов, чтобы лучше ее рассмотреть, да она и не противилась такой вольности, наоборот, загадочно улыбнулась в ответ, деликатно и кокетливо опустив густые ресницы.

– Кто вы такая, мисс? – поинтересовался Уэнсли, когда его воображение сдалось на милость победителя.

– Мисс Фрейлин, – повторила девица.

– Нет, я не имя ваше спрашиваю, а кто вы на самом деле?

– Вот как, вас интересует, что я из себя представляю?

Фрай развел руками, намекая, что его интересует абсолютно все.

– Предсказательница прошлого, – ответила девица, изучая помещение, – вам бы тут не помешала помощь в обустройстве.

– Предсказательница прошлого?! – удивился Уэнсли, не обращая внимания на замечание дамы.

– Да, а что? Вполне себе серьезная должность.

– Я думал, предсказывают только будущее, знаете, сидят шарлатанки в темных задрапированных комнатах и колдуют над шарами...

– Тише вы, – возмутилась дама, – не гневите высшие силы. Конечно, есть предсказатели будущего, но это сильные ведуны, они ведь могут вплетать в судьбу различные нити фатума, надобно ли вам с этим связываться?

– Да я вообще не знаю, с чем уже сумел связаться?

– В первую очередь, вы связались с этим городком. Вас же предупредили, что местность необычная.

– Нет, меня никто ни о чем не предупреждал.

– Странно, сколько священников здесь перебивало, и никто ничего не сказал?

– Нет! – даже сам себе удивился молодой человек, а ведь он был в полном неведении.

Неужели епископу известно было о дурной славе этого края, но он не счел нужным предупреждать новых пасто-

ров, с чем тем придется столкнуться. Поэтому, с легкой руки предложил прибыльный приход первому попавшемуся простофиле без надежных связей.

И дело удачи не в уважаемой родословной, просто так совпали обстоятельства.

– Ну что, теперь вы перестанете искать рациональное зерно, там, где его нет?

– Я не перестану размышлять о происходящем, ибо такова моя натура. Сейчас я расцениваю свои возможности, и поверьте, такого со мной никогда не случалось.

– Потому что вы ограничили свой мир четырьмя непреступными стенами – столько сомнений, неуверенности, взвешиваний. Как можно жить с таким грузом в душе?

– Ну, это вас не касается. Я есть тот, кем являюсь. И если вы умеете заглядывать в душу, прошу вас, перестаньте подобное делать – это очень нетактично.

– Но, вы же рассматривали меня, изучали.

– Но я делал это общедоступным способом, вы тоже можете меня рассматривать, но я не врываюсь в ваши думы. И как вы представляете мою реакцию на ваш внезапный приход – должен же я составить о вас первое впечатление. Да и ваши загадочные недомолвки, ваше заявление, что вы являетесь свидетелем моей ночной схватки с нечистым...

– Я не вламывалась к вам в дверь, постучалась, вы открылись.

– А что, мне по вашему суждению, теперь запрещено при-

нимать посетителей?

– Нет, в дневное время суток вы в безопасности и можете принимать гостей, но по вечерам желательно запереть ставни понадежней. Мало ли кого в такое время суток принесет нечистый, о, кстати, к вам сейчас гость...

В дверь снова постучались, Фрай удивленно взглянул в лицо девицы и пошел открывать. Теперь в дверях стоял мужчина, одетый в шерстяной костюм по погоде, без лишнего лоска, что свидетельствовало о его незначительном социальном статусе.

– Здравствуйте, вы, наверное, наш новый священник? А вот я решил к вам заглянуть, жаль не встретил вас вчера, только ж вы без весточки приехали, да и епископ ничего не написал...

– Кто вы? – первым делом поинтересовался Фрай, сказано было довольно грубо, но в целях предосторожности воспитание отходило на второй план.

– Я привратник, приглядываю за церковью и пасторским домом, правда, не живу тут на постоянной основе, как большинство, но бываю каждый день.

– Привратник? А где же делся мистер Хопкинс, он ведь тоже привратник?

– Дык, помер Хопкинс, еще семь лет назад. А я – Грег Хэнкинс, занимаю эту должность после его смерти.

Фрай выдохнул, унял немного разыгравшийся страх и повернулся в ту сторону, где в последний раз стояла его посе-

тительница, только ее и след простыл:

– Где она? – ошарашено, прошелся по комнате Уэнсли.

– Кто, сэр? – поинтересовался у него Грег Хэнкинс.

– Дама, что была здесь?

– Дама? Я никого не видел.

Да, мир действительно изменился, то давно умершие помощники у дома встречаются, причем, они материальны и выглядят живо, то девушки в воздухе растворяются, будто их вовсе не было, чего прикажите ожидать этой ночью?

– Сэр, я вижу, вам нужна помощь в обустройстве? Могу посоветовать добросовестных работников, мигом дом вычистят, если надобно что починить – так я знаю хорошего столяра.

– Мне нужна помощь, – честно ответил Фрай. – Всех зовите – и убрать, и починить.

Хочу сегодня же оказаться в нормальном доме.

– Хорошо, сэр. Сейчас я мигом.

Уэнсли остался один, только оглядываясь в поисках пропавшей дамы, может она в соседнюю комнату вошла? Так не было ее нигде. Тут на пути попало маленькое зеркальце, наконец, молодой человек решил, что все же стоит привести себя в надлежащий порядок, иначе он опасается слыть неряшливым и некультурным джентльменом, что не соответствовало его натуре. Да и прибудет много народу, надобно выглядеть подобающе хозяину, чтобы раздавать указания. Он снова вошел в многострадальную комнату, сгреб одеж-

ду, кое-как привел себя в порядок и тут же к нему постучались. В этот раз на пороге стояло пять дородных женщин, которые представились служанками из местной гостиницы и были присланы от имени Грэга Хэнкинса. Потом пришел столяр с помощником. Работа в доме закипела – женщины наводили чистоту, мужчины починили дверь и поломанную мебель, прибили намертво скрипучие половицы и ступеньки, поставили на входные двери надежные петли. И никто особо не удивлялся бардаку, не задавал лишние вопросы, все шептались, но в основном, изучали нового пастора, будто все знают, что тут происходит и все молчат.

Грэг Хэнкинс появился спустя несколько часов, пригласил пастора на городское собрание в субботу, пообещал, что церковь завтра приведут в надлежащий вид, и пусть о средствах пастор не волнуется, все за счет общины.

– Может, перекусите сегодня вечером у нас? Жена отлично готовит, а жильцы нашего дома очень дружелюбные. А потом мы вас гуртом проводим.

– Благодарю, от ужина не откажусь, а домой и сам могу дойти, если это недалеко.

– Что вы, в пяти минутах от церкви живу, но мы вас сопроводим, таков обычай.

Все местные обычаи, что водились у жителей этой местности, начинали понемногу пастора пугать. Но стоит немного познакомиться с местными обитателями, потому что впредь ему придется со всеми общаться, а уделять внима-

ние пастве – главнейшая обязанность священника. Собирались на шесть, в Дарквудсе всегда ужинают рано, потому что работу заканчивают в полшестого, так принято: свечи дорогие, керосиновых ламп маловато, а на улицах не установлены газовые фонари, а ходить по ночам неосвещенными улицами почитай согласятся только самые отчаявшиеся – такие страшные события происходят вокруг. Так что, преподобный отец пусть не удивляется, если его сопровождают несколько человек с факелами. Они, знаете, сами бы рады показать, что их городок не остановился в развитии, но необходимые нововведения доходят до этого края с запозданием, поскольку приезжих мало, никто и надолго не задерживаются, особенно конструкторы.

Глава 4

В которой рассказывается о местных легендах и жителях Дарквудса

Вечерком, в назначенное время, приглашенное общество собралось за столом.

Преподобному пресвитеру Уэнсли выделили почетное место возле хозяев. И хотя ужин предполагался в тесном кругу – как возможно думал Фрай – народу собралось много. Да так, что пришлось ставить дополнительный стол, отчего в крохотной столовой стало очень тесно. Шестеро мужчин с их супругами и взрослыми отпрысками, не считая хозяев и Уэнсли. И это только квартирные жильцы многоэтажного дома на Булок-стрит. Всем интересно взглянуть на нового священника и всех пришлось приглашать. Молодые девицы выездного возраста, коих тут было пятеро, сочли Фрая Уэнсли красавцем, а их мамыши согласились с тем утверждением, что молодой человек не лишен привлекательности.

Своими изысканными манерами, Фрай покориł женское общество, а хорошим воспитанием и образованностью заимел уважение у мужского. Хозяйка дома, как и ее муж, были людьми простыми, немного суеверными, по-деревенски наивными и набожными.

Когда разговор зашел о потустороннем, каких только баек о нечистом не слышал Фрай сегодня. И все вели беседу мило, будто сидел за столом сам Оберон с его магическим рожком, трубил в него и забавлял публику. Многие рассказы казались Уэнсли просто сказками, помилуй Бог, леди Мэри – дартмутский призрак проезжала однажды мимо их краев. Время было за полночь, и ее карета, гроыхая человеческими костями, остановилась у дальнего дома, там жила вдова миссис Виллибж, она только недавно отпела своего благоверного. Вот леди ее позвала на свидание с любимым. Говорят, вдова надела свое самое нарядное платье, села в карету, та с тех пор ее никто не видел. Для надежности, конечно, устроили похороны, только вот гроб был пуст и неясно теперь вернется ли покойница за своими вещами. Тут старшие дамы заохали, у каждой ведь была кое-какая вещица вдовы. Ну а мужчины посмаковали эту историю, про мистера Виллибжа тоже всякие слухи ходили, он ведь в замок нанялся в качестве садовника, а потом пришло его жене похоронное письмо, мол – почувствовал себя не хорошо, умер, похоронили на замковом кладбище, отпели в замковой молельне, можете не приезжать, дабы не тратиться. И говорят, леди Мэри именно туда бедную женщину и повезла. Больше она не появлялась, потому что: «... уж лучше топать сотню миль, или бежать бегом. Чем, встретив этот экипаж, увидеть леди в нем...». Все согласились, что история уж очень поучительная, особенно для непослушной молодежи. Фрай мог бы списать все

на местный фольклор, вот только вчерашняя пережитая им ночь, доказывала, что любая из этих сказок может оказаться вполне реальной, во всяком случае, он никого не высмеивал за столом и не опровергал сказанное. И все же ему удалось под конец разговора обобщить все сказанное в одно русло – местность здесь всегда славилась своей приверженностью к потустороннему, с самых ранних веков, густые рощи были священными местами поклонения кельтских друидов. Тогда ублажали самых разных богов, и даже священные деревья, такие как тис, которых в данной местности произрастает не мало. Даже в наши дни, фермеры оставляют на деревьях корзины с урожаем, для задабривания местных духов. Дарквудс стараются объезжать стороной жители других городов, потому что ныне тут действительно творится сплошная чертовщина. А все началось с давнишней, печальной и загадочной истории местного вельможи. Род виконта Беррингтона (старшего и непутевого внука графа***) очень старинный, повидал достаточно феодальных стычек, реформаций, королевских противостояний, но в большинстве не утратил своих владений и значимости. Сэр Льюис Гретсби, виконт Беррингтон, поговаривают, был обладателем красивой внешности, но несчастливой звезды. Во времена Войны роз он влюбился в замужнюю даму, учинил с ней побег в родовой замок. Вот только муж этой дамы с таким исходом дела мириться не собирался, он решил восстановить утраченную репутацию и пошел войной на похитителя. Он проклял род

Беррингтона, что отныне все отпрыски знатного рода будут страдать психическими расстройствами, а сам замок станет вместилищем нечисти, которая будет выходить на охоту по ночам. Так и случилось, все потомки знатного рода страдали неизлечимыми галлюцинациями и подолгу не жили в родовом гнезде. От того замок пришел в упадок, и только поддерживался штатом слуг, которые тоже не могли выносить всей той ереси. Вот и бедняга, мистер Виллибж, устроился на солидное место, да скончался от разрыва сердца – так считали его знакомые.

В последнее время местность особенно претерпевает от набегов бесовских сил, по ночам никто не шатается без толку, только отчаянные безумцы могут выйти в полночь на улицу и прогуляться.

Во время этого рассказа, все собравшиеся за столом молчали, каждый думал и присовокуплял какие-то свои наблюдения по случаю, но тишину не нарушали, пока рассказчик не потянулся за стаканом, чтобы утолить жажду. Да и после этого как-то вести пустяковые беседы не хотелось, вкушали яства, практически, молча. Фрай не мог в полной мере последовать их примеру, его распирало от любопытства, как ребенка от продолжения сказки. Но почему церковь – как оплот в борьбе с мракобесием – находится в таком запустении?

– Видите ли, святой отец, в этом и кроется ужасная наша бытность, – ответил ему Грэг Хэнкинс, – только старый

отец Вейт организовал сопротивление от нечистого, сколько душ он спас, да жилищ очистил. Да это зверье так просто не отступает, они начали нападать на самого отца, видит Бог, сколько слуг нечистого он на тот свет отправил, вот только не уберегли мы его, однажды нашли мертвым у себя – ужасное зрелище.

Фрай выдохнул, будто под ногами разверзлась пропасть, суеверия суевериями, а чертовщина реальная, и единственное, что ее сдерживает – вера. Да только нечисть теперь взялась священников изводить, чтоб эту самую веру отнять, видимо, его стычка с нечистым первая, но не последняя. А еще эта странная дамочка, может и о ней что-то расскажут:

– Скажите, дорогой Грэг, известна ли вам личность по имени или фамилии мисс Фрейлин?

Все собравшееся общество переглянулось между собой, девицы, конечно, только кокетливо стрельнули глазками, никакая мисс их не интересовала, их головки были заняты пастором Уэнсли, а вот старшее поколение – кто развел руками, кто опустил глаза. Фрай не мог понять, почему они поступают именно так, может не знают, то ли не все договаривают и умалчивают правду, но ему так и не ответили на вопрос.

Но тему быстро сменили, жильцы наперебой стали спрашивать, когда преподобный отец примется к своим обязанностям, они ведь с нетерпением ждут возобновления воскресной службы, благодатного пения псалмов и напутственного слова.

А еще многие не прочь исповедаться, замолить грешки. Уэнсли пообещал, что если он приведет церковные дела в порядок, то в следующее воскресенье постарается примерить рясу. Наверное, к этому воскресенью он просто не успеет, нынче четверг, а нужно еще столько всего сделать.

– Завтра мы все отправимся ремонтировать церковь, – заверил его привратник, он заведовал пожертвованиями и вел церковные счета. – Святой храм нуждается в кое-каких обновлениях, и к воскресенью мы не успеем, но на следующей неделе Паркинсон и Дрю обязательно все починят.

После сытного поглощения различных блюд, наступил обязательный час – мужские посиделки господ с кофе и кое-чем погорячее, дамы вышли в гостиную. И хотя от этого крошечность жилища Хэнкинсов не увеличилась, но дышать стало сравнительно легче, во всяком случае, никто не поджимал плечи преподобному Уэнсли. Мужское общество не спешило присоединяться к дамам, что им там делать, только слушать причитания благоверных, зато сейчас они могли без стыда, приправив разговор крепкими словечками, рассказать о своих потерях вследствие плохой репутации местности. Мол, стоило только упомянуть название Дарквудс, и начинались какие-то извинения и недомолвки, год так пятьдесят назад, сюда было проще приехать, люди не пропадали так часто, бывало, собьется путник, да в чашах потеряется, но нынче, лишь солнце коснется горизонта, все стараются уже прятаться в своих жилищах. Потом господа начали

выспрашивать какие меры святой отец попытается принять против нечисти. Фрай честно признался, что ему не пришлось в полной мере сталкиваться с подобным, но верою, святой водой и молитвами можно упрочнить рубеж между людьми и нечистью. Ему бы не помешало изучить записи преподобного Вейта, если таковы имеются, на что Грэг уверил, что какие-либо записи хранятся в церковном убежище в полной сохранности, сам он там ничего не трогал, но присматривал, чтобы все было на местах. А потом попробовать организовать сопротивление, правда, как это сделать, Фрай еще не придумал. Его честный взгляд синих глаз смог убедит господ. Вот с дамами пришлось труднее, тут не последнюю роль играли симпатии молодежи и их матрон. Первые совершенно бесцеремонно кокетничали с Уэнсли, расспрашивали, нет ли у него невесты или тайной любви?

Святой отец никак не хотел затрагивать его личные дела, но разве можно утаиться от проницательного женского разума? Это стало самой интересной темой на устах у дам.

Если б не спасительное предупреждающее покашливание некоторых отцов и супругов, Фраю не удалось бы, так легко отделаться, его бы осадили со всех имеющихся фронтов.

Но молодежь Дарквудса обладала храбростью и бесстрашием, которое рождается вопреки всем опасениям старшего поколения, потому что, чем больше пугаешь детей байками, тем меньше они в них верят, а если продолжают верить, то не из блеющей боязни, а как данность. Фраю не удалось пол-

ностью уйти от неприятной ему темы:

– Мистер Уэнсли (чей-то нервный смешок), ой извините, преподобный отец, скажите, неужели ваше сердце не занято? – Кэтрин была весьма настырной особой, яркой красавицей Дарквудса, которая не имела возможности выйти в свет. Ее отец не имел достаточно средств, чтобы вывозить дочь, да и приданное полагалось очень мизерное, она была не столь интересна для молодых людей, но ведь всякая девушка мечтает выйти замуж за галантного человека с собственным состоянием:

– Нет, мисс Уорвик, мое сердце не занято (еле сдерживаемый облегченный вздох нескольких девиц) мимолетными увлечениями, в моем сердце живет Всевышний, – на него покосились любопытствующие взгляды.

– Но ведь любовь тоже относится к заповедям Божьим, – не унималось прелестное создание. – «Возлюби ближнего своего» – кажется, так говорится в Библии. А если быть таким черствым чурбаном всю жизнь, разве это не грехопадение?

Поистине, такому уму нужно применение гораздо шире, нежели, однотонное прозябание в глуши. Уэнсли с удивлением посмотрел в огромные карие глаза, что так настырно искали его внимания, да и расположения, пожалуй.

– Вы говорите совершенно противоречивые вещи, мисс Уорвик. Возлюбить ближнего – не обязательно обозначает любовь, это милосердие и сострадание. Тем более, что в Биб-

лии сказано о любви к родителям, ибо тогда на нас падет благословение. А сердце мое пусть будет открыто для всех...

– Но любовь так же дарит сострадание и милосердие. Прелестнейшее из чувств.

– Любовь может быть эгоистичной, не несущей в себе ничего доброго.

– Вы черствосердечны, мистер Уэнсли, я верю в добрую и яркую любовь, благословение Божье. Скажите, а правда, что вам обещано семьсот фунтов годового дохода?

– Да, с моими сто двадцатью, которые получаю процентами, я буду иметь свыше восемьсот фунтов, а с моими-то запросами сумма приличная.

– Восемьсот двадцать фунтов, да это же можно сколотить небольшое состояние, если разумно тратить деньги, и если спутница жизни не будет особой расточительной.

– Ну, женщинам тяжелее, их траты выше. К примеру, взять мою сестру – у молодой особы много подруг, она ведет активную переписку, отец заметил, что бумагу и чернила приходится постоянно покупать. Или недавно, мне пришлось сделать существенную покупку лент, тесемочек, разноцветных перьев, семь ярдов легкого батиста, ниток, иголок и прочего. Для дамы эти мелочи просто необходимы, ведь каждая девушка обязана быть респектабельной, придерживаться моды и вызывать восхищение. Мне же не надобно столько мелочей, моя жилетка достаточно прочна, чтобы прослужить еще добрый десяток лет, если я не увлекусь чре-

воугодием, да и ткань моего костюма выбрана из расчетов переносить многие невзгоды. При аккуратном обращении с одеждой, я смогу существенно снизить траты. Свои прогулки я постараюсь совершать пешим ходом, мне не потребуются лошадь, а значит, не будет трат на содержание конюшни. Мужчине легче обходиться малым...

– О, вы прекрасный брат, – лукаво заметила мисс Уорвик, чьи глаза обворожительно блеснули от этих речей. – Так заботится о нуждах сестры, уделять внимание тем мелочам, без которых мы не смыслим свой гардероб, но большинство мужчин просто этого не замечают, – она укоризненно взглянула на отца и брата, которые беседовали в кругу мужчин, не утруждая себя занимать интересными беседами дам.

– Я не скажу, что в полной мере достоин таких похвал, просто я забочусь о Марии, ей нелегко приходится, отец и брат мало замечают и не внимают тихому шепоту, а она просто стесняется просить настырней.

Наверное, чрезвычайно не вежливо заглядывать заранее в девичьи думы и сердечные симпатии, но мисс Уорвик посчитала себя влюбленной в преподобного отца Уэнсли. Его красота, доброта и восемьсот двадцать фунтов в год, возымели позитивные отклики у многих дам, и кроме Кэтрин Уорвик: Сесилия Весли, Энн Весли, Дороти Весли и Хана Стоксон, посчитали себя девицами с преданными сердцами преподобному пастору.

Если бы Уэнсли позаботился в отношении мнения о себе,

и мог каким-то образом заглянуть в мысли общества, такие перспективы женских симпатий спугнули бы его. Но его думы витали на ратном поприще борьбы с нечистыми силами, он не планировал жениться и мысли об этом не допускал. Говорил исключительно из братского чувства ответственности, разве не поддерживал он Марию, конечно же, все сказанное было чистейшей правдой. Сердце его действительно было свободно от мимолетных отношений еще с юности, когда он подчинялся диктату долга, а с дамами вел себя галантно, но в остальном, безразлично. Он ставил в высшей степени расположить к себе, но не допустить ближе положенного.

Матроны давно подметили настроение их юных чад; миссис Уорвик не прочь бы выдать двадцати трех летнюю дочь замуж, жениху уже двадцать пять, он достиг возраста, в котором принято жениться, а еще его доход, манеры и социальное положение, все говорило в его пользу. Единственное, что червяком сомнения грызло ее совесть – борьба с нечистью, за непродолжительное время произошло столько несчастий со священнослужителями. Это просто непозволительно упускать из виду, молодежи эти факты безынтересны, но старшее поколение тем и мудро, что присматривается и прислушивается ко всему. Если же действовать сплоченно, от беды можно уберечься, но за безопасность будущей миссис Уэнсли стоит побеспокоиться. Такими умозаклечениями сердобольная миссис Уорвик не упустит поделиться с супругом, да и кумушкам своим поведает причину тревожне-

ний, даже не догадываясь, что кумушки озабочены тем же вопросом.

А пока что, все прекрасно отужинали, к чести миссис Хэнкинс, познакомились с новым священником, прониклись симпатией к приезжему человеку и обзавелись надеждой. В восемь вечера, мужчины посчитали, что еще целый час смогут занять гостя развлечениями. И хотя преподобный Уэнсли уверял, что игрок из него некудышный, карточные столы все же разложили, кофе принесли не подносах и усадили преподобного отца играть в пиковую даму. Энн Весли уверяла, будь тут небольшой клавесин, она бы сыграла собравшемуся обществу, потому что она не зря училась в пансионате, а вот сестры ее прекрасно пели – девицы Весли тяжело вздохнули, а вот Кэтрин Уорвик и Хана Стоксон предпочли наблюдать за игрой преподобного отца и пытаться ему помочь. Их соперничество, которое они маскировали под саркастическими комплиментами друг другу, было заметно всем, но вместо того, чтобы остановиться, юные девы несколько не ощущали укоров со стороны. Преподобному Уэнсли пришлось продолжать игру, поскольку, иначе его ожидало общение с дамами, которые его буквально обсели. Кэтрин не унималась, ее не удовлетворило то, как Фрай относился к делам сердечным, она бы не прочь затронуть деликатную тему заново, при чем, где-нибудь без посторонних ушей, если бы не Хана, которая так же помышляла занять его разговорами.

– Скажите, мистер Уэнсли, вы много путешествовали?

– Отнюдь, я отношусь к того рода людям, которые считаются домоседами.

– Замечательно! – воскликнула Хана. – Я так же не люблю дальние выезды. Что толку проводить ужасные часы в переполненной карете, если можно спокойно посидеть на уютной тафте и полюбоваться живописными гравюрами, вдыхая аромат свежесрезанных цветов с собственного садика. У нас такой имеется на заднем дворе, он отделен небольшой оградкой.

Кэтрин поморщилась и вступила в разговор:

– Хана, сдаётся мне, ты прошлым летом говорила одному морскому лейтенанту, что наоборот, обожаешь путешествовать.

Хана сверкнула недобрый взглядом на свою соперницу, впрочем, та ответила ей взаимностью. Между девушками постепенно просыпалась вражда, но Фрай показался себе слишком утомленным, чтобы продолжать выслушивать их перепалку, и развлекать беседой хоть кого-то ему не стало сил. Он вежливо встал и начал откланиваться, тогда вся мужская часть общества засобиралась вместе с ним, ибо по предварительному уговору, они должны были его сопровождать до дверей пастората. Уэнсли теперь эта затея показалась очень даже резонной – ночные прогулки ему никогда не нравились, особенно в одиночку. Одинокий прохожий в полутемных проулках оказался бы беззащитной мишенью,

даже для обычного грабителя. Дамы раздосадовано вздохнули, для них это обозначало окончание вечера, но получили такие уничтожительные взгляды от их родителей, что разом сникли.

В разговорах с мужчинами, Фрай приободрился, для него поведение дам, граничащих с наглостью, не осталось не замеченным, но он никак не хотел быть трофеем в «битве кур». Тем более, что мужчины не болтали ерунду, а заговорили о важных вещах – починке церкви, городском собрании, сельскохозяйственных работах и преобразовании непригодных пастбищ. Служанку святой отец не успел нанять, но ему пообещали прислать на завтра несколько прилежных кандидатов. Но сегодня ему порекомендовали хорошенько запереть все засовы и если чего, кричать в окно, тут спят чутко. Как только он распрощался с новой паствой и засунул понадежней дверной засов, к нему обратился чей-то негромкий, женский голос. Фрай вздрогнул:

– Ну, наконец-то, эти вечерние посиделки могли вполне затянуться еще на несколько часов... – в холле стояло кресло, свет от камелька неярко освещал чью-то хрупкую фигуру, и только отблеск пламени от рыжих волос показал, что перед ним сидит та же утренняя гостя. Наверное, она все это время была в доме, и как ее не заметило столько народу?

– Вы? – внезапная встреча с неожиданным визитером закончилась очень трагически, и вот снова ситуация повторяется.

– Я, как видите. Только не торопитесь меня выставять за

дверь, вашей крови я не желаю, всего лишь поговорить.

Фрай дрожащей рукой пригласил даму в его новый кабинет, где, кстати, уже были зажжены свечи, видимо дама действительно была в доме и ждала его хозяина. Если эта дамочка не желает ему зла, куда приятней провести несколько часов перед сном в беседе, нежели изучать полутемные, неприветливые углы комнаты, изводясь от тревоги. Хотя, о Боже, это же халатное нарушение правил приличия – он холостой, она незамужняя мисс. А если эта дамочка собралась скомпрометировать Уэнсли в корыстных целях?

– Да не беспокойтесь вы, понапрасну, я не жажду уничтожения вашей репутации, и никакой выгоды тоже не помышляю получить. Только поговорить.

– Хорошо, хорошо. Слушаю вас, мисс, – затараторил Фрай, унимая поток своих мыслей, пристыженный его откровенным разоблачением. И как ему сохранить мысли в неприкосновенности, особенно от рыжей барышни?

– Вы даже не представляете, в какую историю влипли, – сказала дама, с едва заметной усмешкой, будто Фрай забавлял ее. – То, что было вчера, всего лишь предупреждение. На вас напал не упокоенный дух старого привратника, он должен был вас испугать и немного покусать, но не убивать. А вы дали ему отпор, и дали понять, что вы истово крепкий человек, а теперь приготовьтесь – предупреждений больше не будет.

– И что мне теперь прикажите делать? – не удержался от

едкого сарказма, Фрай. —

Съехать отсюда? — Будто он оказался еще и виноват в том, что сумел своей непоколебимой верой уничтожить то чудище, что, видите ли, пришло его только припугнуть. И сдается ему, оно бы не удовлетворилось несколькими укусами, покалечило и изуродовало свою жертву. А Фрай, хоть и не был нарциссом, но считал, что респектабельный человек не должен выглядеть уродцем, ведь это отталкивает людей.

— Конечно же нет, вы нам нужны, даже не представляете как, просто теперь вам придется делать ритуалы изгнания быстрее и эффективней.

— И как же мне подобному научиться? Я ведь просто священник.

— Может, вы просто хотите таким казаться, но на самом деле, вы все знаете. Я же здесь, исключительно, как ваш друг. Хочу помочь вам приоткрыть вам все тайны изгнания бесов.

Девушка будто оправдывалась сейчас за утреннее поведение, ведь и вправду, от помощи молодой человек бы не отказался. Какими еще испытаниями его будут испытывать и лучше быть подготовленным. Но на всякий случай предосторожность возобладала, над слепым доверием:

— Кто вы такая?

— Я же говорила вам — предсказательница прошлого — мисс Фрейлин, но вы мне не поверили, более того, начали выяснять обо мне. Но на первый раз я вас прощаю, ибо нет среди нас безгрешных. Но учтите, во второй раз ваше любо-

пытство сослужит вам печальную службу. А теперь начнем обучение...

Глава 5

Загадочные летописи пресвитера Вейта

Изящные, полированные, медные часики не гулко отбили полночь, их звук эхом прошелся по спящим комнатам, встретился с потрескиванием поленьев и тихим шорохом свечи. Но хозяин не обратил внимания на скромный намек, призывающий усталое тело к отдыху. Он бы даже не обратил внимания, будь это огромные башенные колокола из часовни святого Иакова, только рукописи сейчас занимали его. На столе были разбросаны различные исписанные листы, некоторые сшиты на подобии рабочей тетради.

Пожелтевшая бумага и немного обесцвеченные чернила указывали, что письма написаны достаточно лет тому назад. Какие-то диковинные рисунки, изображенные неумелой рукой начинающего художника, показывали рогатое существо с мордой лошади с заплетенным загривком в виде косы. Это животное определенно обозначало нечистого, вышедшего на охоту, ибо в руках оно имело палку, на которой выгравированы определенные римские даты, отделенные точками. И большое светило в виде пятиконечной звезды с полумесяцем в середине, и римские аббревиатуры. На заднем плане стояла толпа людей, с восхищением наблюдавшая за

появлением рогатого, с вознесенными к нему руками. Следующий листок обозначал цифры, все латинские, для правильного их определения, также разделенные точками. Были и записи, но в основном рецепты отваров из трав, воска, меда, высушенных насекомых, коры деревьев и прочего природного материала. Но таких записей было только четверть, остальное – рисунки и цифры. От этих рябеющих цифр, закружилась голова и напухли глаза – Фрай прикоснулся к переносице, словно, исследуя пульсирующую жилку боли. Все это время, за его сосредоточенным видом, следили огромные зеленые очи прелестной незнакомки, что расположилась напротив. Она филигранно сложила красивые руки, кокетливо потирая нежную кожу запястья, что выглядывала меж рукавом и кружевной перчаткой. На губах сияла слегка уловимая довольная улыбка, будто девушка наблюдала за интересным представлением, либо интересующим ее объектом. Объект наблюдения в это время, испытывал ожесточенную борьбу со своим разумом, что отказывался вразумить истину в загадочных письменах. Разум победил – Фрай остался ни с чем.

– Я этого не понимаю, – грустно констатировал молодой джентльмен, отстраняя от себя рукописи. – Чертовщина и не более. Если бы оно хоть чуточку сопровождалось уточнениями, мой разум мог бы охватить половину писаний, но увы, подробного разъяснения, да любого разъяснения тут нет.

– Видимо, преподобный Вейт, вел свои исследования на несколько неординарный способ, – выговорила Фрейлин,

спокойно всматриваясь в карикатуру на ожесточенную борьбу двух удивительных существ – одно было схоже с огромным псом с большими корявыми рогами, другое – обычный олень со светочем над головой. – Чтобы враги не расшифровали его открытия.

– Да и последователи тоже. Нужно быть либо гением, либо – безумцем, чтобы найти во всем этом крупицу истины.

– Я не могу дать тебе ответ, увы, мне отведена роль скромного соглядатая, зодчего посторонних подвигов, – разочаровано выговорила Фрейлин, всматриваясь во мрак кабинета.

Фрай так же отвлекся, он печально взглянул на часы, потом подошел к окну.

Теоретически ему хотелось спать, но стоило закрыть глаза, забыться на мгновение и липкий страх прошлой ночи подползал к сознанию с огромными огненными глазищами.

Молочный туман застелил долину, отдавая серебристым свечением от блика луны. И будто черные тени кружили в его объятиях. Уэнсли вздрогнул, отвел взгляд – как заставить себя перебороть страх и снова начать жить обычной жизнью, без ужасов и боязни ложиться спать. Видимо, его гостя почувствовала внутренний монолог и весело проговорила:

– Ой, я уже изрядно задержалась, испытывая ваше гостеприимство.

Фрай, молча, повернулся к ней, действительно, столь поздняя встреча могла нарушить все нормы морали, но как быть теперь – дама должна быть доставлена домой, конечно,

он ее сопровождает, но не даст ли это появлению кривотолков в отношении этих двух людей? Фрейлин улыбнулась, она обладала даром читать мысли, но даже не имея такого дара – она бы прочла все по его лицу. Дама кокетливо подошла к пастору, дружелюбно протянула руку и молвила:

– Отдыхайте, дорогой друг, сегодня вас не побеспокоят никакие тени, – и тут же обернулась совой. Да-да, той самой птицей, которую он наблюдал в дремоте своей: красивого серебристо-серого отлива, с изумрудными глазами и рыжим заливком. Уэнсли стоял неподвижно, лишь приоткрыв рот от удивления и невысказанной фразы. Кажется, мир тайн и загадок водоворотом взял молодого человека в мощные объятия, и уж не вырваться из этого плена, пока он не раскроет все его тайны. Скажи ему кто-то пару лет назад, что в мире существует материальная чертовщина, а люди умеют перевоплощаться в разных существ, а еще – поприще священника бывает опасней похода на войну, он бы высмеял такого человека, даже если это был очень уважаемый джентльмен. Нынче он является тем самым полубезумцем, что без обиняков поведает вам такие невероятные истории, да еще и потрясет перед собой летописями другого полубезумца, как доказательство правоты. Сова прищурила изумрудные глаза, наклонила голову набок, почти вывернув ее, снова прочтя все мысли пастора, потом взлетела, тут же испарившись чудной дымкой в воздухе. А Уэнсли выдохнул, будто никогда прежде не дышал, вернув назад это благо. Пришлось ло-

житься отдыхать, иначе он опасался тронуться разумом, заполненным до избытка картинками, иероглифами, письмами. Действительно, этой ночью ему не мерещились чудовища, он просто впал в забытие.

Утро только предъявляло свои права, серыми красками наступая на тьму, когда молодой человек проснулся. Он не чувствовал никакого страха, жизнь казалась вполне обычной, той, которую он оставил в доме отца, но в его новой жизни, разбросанные по столу бумаги, как будто намекали, что к прежнему возврата нет. Но ведь днем он будет вести вполне обычное существование: ему нужно заглянуть в церковь, и даже не ради объективного взгляда на запущенность здания. Нет. Ему нужно воззвать к Богу, спросить у Всевышнего, стоит ли связываться с силами неведомого мира? Ибо истина сокрыта в молитве, а Фрай нынче уверовал, как истинный фанатик. Но прежде, чем снова столкнуться с обычным миром, он взглянет на бумаги, времени еще полно, площадь спит, а одиноко шататься небезопасно. Еще бы не помешало нанять, наконец, прислугу, ибо все делать самому очень неудобно, да и завтрак приготовить некому, камин разжечь. Придется позавтракать в какой-нибудь местной харчевне, припасов с дороги вовсе не осталось.

Когда пробило восемь, молодой человек был готов к тому, чтобы без опаски выйти на улицу и прогуляться вдоль красочных вывесок. Но стоило ему собраться с окончательным решением, как в дверь постучались. На пороге стояла

девушка, одетая в обычное шерстяное платье, белый передник, потертый плащ и неказистую шляпку, в руках она держала метлу, что как бы намекало на ее принадлежность к рабочему классу. Ее обувь была из грубой воловой кожи.

– Здравствуйте, меня зовут Нэнси. Я прибыла с рекомендательными письмами от миссис Хэнкинс на место вашей служанки.

– Вот как, – удивился, обрадовавшись, молодой человек. – Я возьму для ознакомления ваши рекомендации, но коль вас посоветовала миссис Хэнкинс, думаю, я буду полагаться на ее суждения.

– Только вот, я бы хотела быть вашей приходящей работницей. Буду работать с шести до шести, или с шести до восьми вечера, но на ночь оставаться не буду, – девушка залилась румянцем, видимо смущаясь от того, что будет прислуживать холостому мужчине.

Провинциалки были не только истово набожными, они были еще непреклонно добропорядочными женщинами. Будь в доме у пастора его жена, девушка согласилась бы работать круглый день за большую плату, не опасаясь, что ее совратят, а так – она не понесет бремени бесчестия ни за какие деньги.

Но сказать по честному, Фрай был только рад этому, и не потому, что он холостяк, нет, просто его новое хобби не приемлет посторонних глаз, да и так тогда тайно встречаться с Фрейлин? Стороны быстро договорились на выгодных усло-

виях. С шести до шести молодого пастора вполне устраивало, потому что, он не признавал поздние ужины.

Девушка должна была приступить к обязанностям завтра, потому как сегодня в ее услугах еще не нуждались, но одно поручение она получила от нового хозяина уже сейчас – сдать некоторые вещи в прачечную, такова в городе имелась. Получив положенные к уплате деньги и еще пару медяков поощрительных, довольная служанка пошла выполнять поручение, а Фрай уже изнемогал от голода и решил искать недорогое, но приемлемое местечко. Площадь уже ожила, картина совсем не изменилась, все действующие лица были там, где им надлежит быть – театр суеты не сменил декораций, а вот Фрай ворвался, в общую картину, ничуть не нарушив идиллию. Маленький городок, где жители вели тихую провинциальную жизнь, относительно тихую, и знали друг друга, располагал к себе – тебе кланяется обычный люд, приветливо приподнимают шляпы солидные джентльмены, с которыми ты никак не знаком, а ты отвечаешь кивком и улыбкой, робко приноравливаясь к местным обычаям. Фрай вел себя именно так, и никто не упрекнул его в отсутствии воспитания, ибо его честная улыбка располагала людей; если бы не его природная скромность и неуверенность, этот джентльмен давно бы осознал, какое притягательное влияние имеет на людей, а для дам – этот Аполлон сущий сердцеед. Успев отойти на небольшое расстояние от дома, как его нагнал мистер Стоксон вместе с дочерью на своей двуколке. Эти двое

как раз направлялись справиться о здоровье нового пастора, как бы случайно прихватив небольшой презент. Эта затея вполне принадлежит Хане, ибо она уболтала отца проводить преподобного Уэнсли. Презент состоял из съестной провизии – походного завтрака – как его любили называть военные, а мистер Стоксон в прошлом был военным, нынче занимал должность мирового судьи и уполномоченного мэра Дарквудса и Престона – соседнего городка. Мистер Стоксон был расположен к общению с людьми, поэтому охотно составил компанию дочери, и пусть они направились в столь ранний час в гости, это никого не смущало, в провинции все приветствуют в любое время.

– Мистер Уэнсли, а мы к вам пожаловали, – зычно отозвался мистер Стоксон.

Его дочь тут же добавила:

– Мы узнали, что вы еще не обзавелись прислугой и думали, что будет вполне уместно привезти вам завтрак, он, конечно, не столь изыскан и состоит из холодных блюд, но я думаю, вы радо примете от нас такое скромное подаяние.

– Благодарю вас, – ответил мистер Уэнсли. – Я всегда рад принять гостей в своем доме. Вы правы, к моему упущению, я не обзавелся прислугой прежде, и только сегодня заключил договор с новой служанкой, но она придет только завтра, а кухарки у меня пока нет. И я очень радо с вами позавтракаю, ибо не эстет в пище и могу обходиться самыми простыми блюдами.

Хана только это и хотела услышать. Она искренне завила, что поспособствует преподобному Уэнсли в обзаведении такой нужной прислужгой, как кухарка. Кухарка в доме нужна не меньше входной двери, да надежного замка в кладовой. А еще лучше, чтоб это была особа проверенная, кажется, ее матушка может написать нужным людям и назавтра в пасторате будет кухарка и даже посудомойка, она тоже важна. Все эти домыслы молодая леди высказывала пастору, идя с ним под руку до его дома, она спрыгнула с двуколки, чтобы охотно составить молодому джентльмену компанию, пока ее отец проехал вперед и ожидал молодежь у крыльца. Теперь все соседи видели ее подле пастора, уж Кэтрин за ней ни за что не угнаться. И пусть она была не настолько ослепительной красавицей – невысокого роста и слегка курносая, что придавало ее личику, некоторую детскую непосредственность, да еще и смешные конопушки, – но в остальном, ее расчетливости и дальновидности позавидовали бы самые битые авантюристки.

Пока что пастор пребывал в неведение, относительно коварного плана женской половины семейства Стоксонов, разработанной накануне, после ужина. Он списал все на провинциальное добродушие и так же открыто принял гостей в своем доме, мистер Стоксон так же не был посвящен в тайное сообщество – списал все на доброту своего чада. Дама без стеснительности потребовала показать ей кухню, и почти приказательным тоном велела господам занять места

в гостиной. Господа, чтоб не терять зря время, откупорили бутылку хереса, которую прихватил мировой судья из собственных запасов, для улучшения аппетита, да принялись обсуждать дела. Завтрак принесли очень быстро, разложив все на приготовленные заранее блюда. Тут было жаркое из баранины, нарезанное ломтиками, сливочный сыр, паштет, домашнее сливочное масло в масленке, белый хлеб, сладкая сдоба, варенье и немного молока к чаю. Чай принесли тоже. Мисс Стоксон справлялась со всем молниеносно, показывая хозяйскую жилку с самой лучшей стороны, будто это она сама готовила все эти блюда, а не ее кухарка, да еще дала подробную инструкцию, как все уместней подать. Фрай с большим аппетитом вкушал блюда, не скупился на похвалу, от чего девушка зарделась, как спелое яблоко. Но делал это наш пастор из вежливости, без тайных умыслов, как благодарил бы свою сестру. Мистер Стоксон еще был далек от мысли выдать в скором времени дочь замуж, поэтому продолжил прерванную беседу о его должности. Он несомненно был влиятельным человеком, снимал отдельный особняк, но соседствовал с Хэнкинсами, и поэтому был любезно приглашен на соседский званый ужин. Должность мирового судьи обязывала его знать обо всем в городе, для наведения порядка, у него в подчинении было аж три дружинника и один зажига- тель факелов – смелый малый, и немного отчаянный. Мисс Стоксон слегка рассердилась на отца, ибо он нагло прервал зарождающийся интерес между двумя людьми, но вслух не

могла высказать свое негодование, пришлось сидеть и исполнять роль прилежной хозяйки, и тайно дуться на родителя. А ее родитель тем временем, уже углубился в воспоминания о темных временах, когда и сам он был еще молод, и когда в городе стали происходить действительно ужасные вещи. Тогда же преподобный Вейт и начал войну против нечисти, и многие горожане в ней участвовали.

Тогда духи распоясались так, что утаскивали людей среди дня, особенно приезжих. А в местных мужиков вселялись и те начинали беситься, будто звери. Он сам был тому свидетелем, потом все затихло, видимо отец Вейт провел какой-то сильный ритуал или молебен, но все прекратилось, показалось, что нечисть изгнана. Но в один прекрасный день, отца Вейта нашли мертвым в церкви, ужасное зрелище. Сам он не видел этого, но свидетели говорили, что тело просто было вывернуто наизнанку. Потом, именно священнослужители стали главной целью нечистого – один сразу уехал, только лишь переночевав; другой пробыл дольше, но свихнулся; третий сгинул бесследно, четвертый и пятый последовали за ним; шестой умер от разрыва сердца, а седьмой – сотворил страшный грех, бросившись с обрыва. Их помощники тоже кончали плохо, хоть и были из местных жителей. А вот недавно пропал Свилфордский всадник – и это всколыхнуло общественность в другом городе, а мэр прислал гневное письмо во всем разобраться, и выяснить, что случилось с беднягой. А что ему на откуп предоставить, не отправлять

же отчет, что в окрестностях снова лютует нечисть. К слову, поиски он производил тщательные, только его люди даже следов борьбы не нашли и лошади, не могут же люди пропадать бесследно.

– Это нужно прекратить, нечисть должна знать свое место, – констатировал мистер Стоксон. – Ишь, как распоясалась снова.

Уэнсли улыбнулся, хотя улыбкой обреченной и невеселой. Судьба его предшественников и в самом деле была незавидна, да и сам он мог оказаться восьмой жертвой обстоятельств, но чудом прошел испытание. Он бы рад помочь в расследовании, но пока не знает как.

– Что в моих силах, я сделаю. Но и вы поймите, мне нечего пока предоставить, во всем нужно разобраться.

– Мы в вас верим, вы похожи не преподобного Вейта силою духа и характером.

Только внешностью смазливей и годами помладше.

Он задорно взглянул на дочь, от чего та снова залилась румянцем, будто эта похвала предназначалась ей. Ох, как же будут завидовать ей подруги, как только узнают о таких подвигах сегодня утром. Теперь уж она будет первой претенденткой, а никак не Кэтрин Уорвик. Пусть она и очаровывает красотой, но куда важнее внимательность и хозяйственность, особенно, что касается преподобного отца. Хотя есть еще и остальные желающие. Незамужних девиц, заслуживающих достойного и обеспеченного мужа много, а вот избран-

ников – единицы. После вчерашнего ужина симпатичный и обходительный пастор у всех на слуху.

Мужчины побеседовали и расстались ко всеобщему удовольствию. Мисс Стоксон убрала посуду и вымыла ее, самостоятельно, что свидетельствовало о серьезности ее намерений показать с лучшей стороны качества хорошей жены. Уэнсли расстался с гостями в лучшем расположении духа. Теперь ему надобно посетить церковь, возле которой уже толпились четыре рабочих и привратник, ожидая согласия пастора. Работа закипела – мужчины оценили состояние всей мебели и принялись за работу, потом пришли те же поденщицы и вымели все, протерли, начистили. Церковь пришла в надлежащий вид, правда еще требовались кое-какие плотничьи доработки, но к следующему воскресенью, она будет готова, и тогда молодой пастор облачится в белую ризу и будет говорить о Боге, и петь о Боге; и будут ему внимать миряне, коих теперь он охраняет и словом, и делом. Не будь этот край населен мракобесием, Уэнсли нашел бы в нем самый лучший свой дом – тихую, надежную гавань. Но об этом говорить рано. Молясь Всевышнему, он будто бы копил в себе силы, и набирался уверенности, но прежде всего – раздумывал обо всем случившемся ранее. Он ведь недавно видел беса в глаза, и знает, чем можно его победить.

Молитва действует, как щит, но нужно оружие, которым можно обороняться. И все содержится в летописях, стоит только немного посмотреть на них с другой стороны.

К загадочным рукописям, он вернулся немедленно, в душе за-
кралась бездна сомнений и лишь вялый росток догадки. Что
именно вкладывал в изображения преподобный отец Вейт?
Как именно расставлял приоритеты? Или это простые зарис-
овки безумца? Но по всеобщему согласию, безумец перело-
мил ход войны, заставил бесов отступить. Не будь его, край
давно превратился в огромное кладбище, мертвый город.

Вот только рисунок с лошадиной мордой и рогами. Его
восхваляют люди, а может, так они его призывали? Молодой
пастор задумался, а ведь и правда – беса призывали. Кто?

Тайное братство? Когда? Ведь есть римские цифры и циф-
ры обозначают дату.

Он пришел в этот мир, судя по римскому исчислению –
21 декабря 1464 года. Хм, а ведь это может совпадать с рас-
сказанной легендой о побеге виконта и замужней дамы.

Переломный ход войны алой и белой розы, страна в хао-
се, нравы тоже. А вдруг и вправду, демона призывали и сде-
лали это с определенной целью. Ревнивый муж не пожелал
падения своей репутации неверной женой. Устроить напа-
дение на замок? А если замок неприступен? Он пошел лег-
ким путем – призвал карателя. Какая-то часть головоломки
уже складывалась, во всяком случае, преподобный отец Вейт
указал причастность к легенде. А ведь стоит еще побеседо-
вать с местным обществом о легендах Дарквудса, самый вер-
ный источник – народный фольклор. Теперь каждая мелочь
может помочь, если не окажется судьбоносной.

Наступил вечер, суета в церкви и недолгие размышления пастора заняли целый день.

Он даже чуть не позабыл, что согласился отужинать у Стоксонов – поистине благосклонное окружение. Кажется, кухарку тоже можно нанимать на неполный день, если его так часто будут приглашать ужинать в округе.

А начать следует с замка виконта, там, по мнению многих, и сосредоточен оплот нечисти. Значится, сегодня за ужином он расспросит мистера Стоксона, известно ли ему что-то из местных легенд об особенностях замка. Фрай уже оделся к предстоящему ужину, но снова взял рисунок, будто новый виток осознания пришел к нему. Если откинуть центральную фигуру – чудовище с лошадиной мордой – и сосредоточиться на заднем плане. Людей изображено много, лишь пятеро из них имеют внятные очертания лица, глаз, губ, одежды, их руки подняты вверх, восхваляя черта. Остальные персонажи имеют лишь очертания присутствия, а еще шлемы. Да-да, шлемы – это означает, что были пять господ, остальные – стража, почетный караул. Первая догадка была верна – рассерженный муж призвал нечистого на землю. Цель – взять замок противника и вернуть неверную жену.

Хм, а что случилось потом? Ведь кто-то начал рассказывать продолжение истории, да только мисс Уорвик отвлекла его ненужными беседами. Кажется, Фрай на нее разозлился, ему ведь тогда казалось правильным осадить девицу, но манеры и воспитание не позволило этого сделать.

Но для себя, Уэнсли сделал пометку, он обозначил листок под номером один, с которого нужно начинать расследование. Но подробности нужны, без них никак не добраться до истины. Пастор сложил рукописи Вейта в папку и положил в стол, а с собой взял небольшой блокнот и грифельный карандаш, чтобы не просто все услышать, а и делать пометки. Кому как не мировому судье знать историю города, Фрай довольный своими догадками, покинул комнату и отправился к Стоксонам.

Глава 6

Повествует о страшном сне прошлого

Стоксон не был столь радушным хозяином, решив обойтись небольшим кружком приглашенных гостей. Кроме преподобного Уэнсли, здесь присутствовали близкие знакомые мирового судьи – семейство Батлеров: мистер, миссис и двое их взрослых сыновей – Джордж и Эндрю. К сожалению, друзья мистера Стоксона не были приглашены в дом Хэнкинсов, потому как вращались в разных кругах. Но они тоже были наслышаны о новом священнике и не упустили шанса с ним познакомиться. Это были необычные люди – мистер Батлер работал деловым представителем одного уважаемого джентльмена, который имел громкое имя, но не хотел афишировать это. А еще эти люди были приезжими: мистер Батлер только недавно поселился со своей супругой в округе, сняв отдельный особняк, да еще и преобразив его за свой счет. До того, по их рассказам, они много разъезжали по стране, все это было связано с занятием мистера Батлера, но к этому месту душа у него прикипела и они остановились здесь. Фрай удивился и усомнился в рассказе загадочного человека, что заставило джентльмена с хорошим доходом выбрать для жизни такую глушь, неужто, столица оказа-

лась им не по карману, но тогда, как объяснить снятые коттеджи в Риме и Неаполе, а также длительное проживание в Бирмингеме? Но, Стоксон сразу предупредил о чужаковости этого семейства, хотя самому мировому судье льстило, что в городке проживает зажиточная семья и он водит с ними знакомство. А Фрай оказался полезным именно потому, что тоже был приезжим, ну а еще пастором, слухи о котором успели дойти до всех местных семейств, а поскольку развлечений в округе мало, вот и захотелось скукающим богачам посмотреть на необычайного священника. Хотя он пока что был самым заурядным.

Поначалу Фрай лелеял надежду всерьез выпросить у Стоксона все о местных легендах, но общение с Батлерами оказалось таковым, что они незнакомы со всеми подробностями мракобесия, а мистеру Стоксону не хотелось в их глазах слыть суеверным простаком, верящим во всякую чушь. Поэтому он сухо отвечал на расспросы Уэнсли, сводя все, то к деревенской песенке, то к шутке. И даже преимущества от столь выгодного знакомства померкли в глазах Фрая, потому что эти люди ему определенно мешали. Будь он единственным гостем или в том обществе, которое собралось вчера, беседа велась бы на более существенные и интересные темы, а сейчас говорили в основном о столичных новинках: мистер Батлер недавно ездил в Лондон, на выставку, и приехал со свежими новостями и рассуждениями нужен ли Англии технический прогресс. Мистер Стоксон внимал важному гостю,

напрочь позабыв о втором приглашенном. Мисс Хана так же не претворяла коварный план в жизнь, потому как, чуточку отвлеклась на двух молодых джентльменов, которые из-за отсутствия других дам, общались только с ней. Мисс Стоксон нашла их лучшими собеседниками, которые могли напустить пыли в глаза и расточать галантность, и совсем забыла про Фрая. Тот, впрочем, не был расстроен столь откровенным пренебрежением, он не пришел сюда завоевывать расположение мисс Стоксон, он был исключительно из личных интересов. Но его план плодотворно и информативно провести этот вечер с треском провалился, казалось, лучше б он остался дома, отужинав сухарями и чаем, но продолжил бы разгадывать рукописи, а не отвлекаться на пустые разговоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.